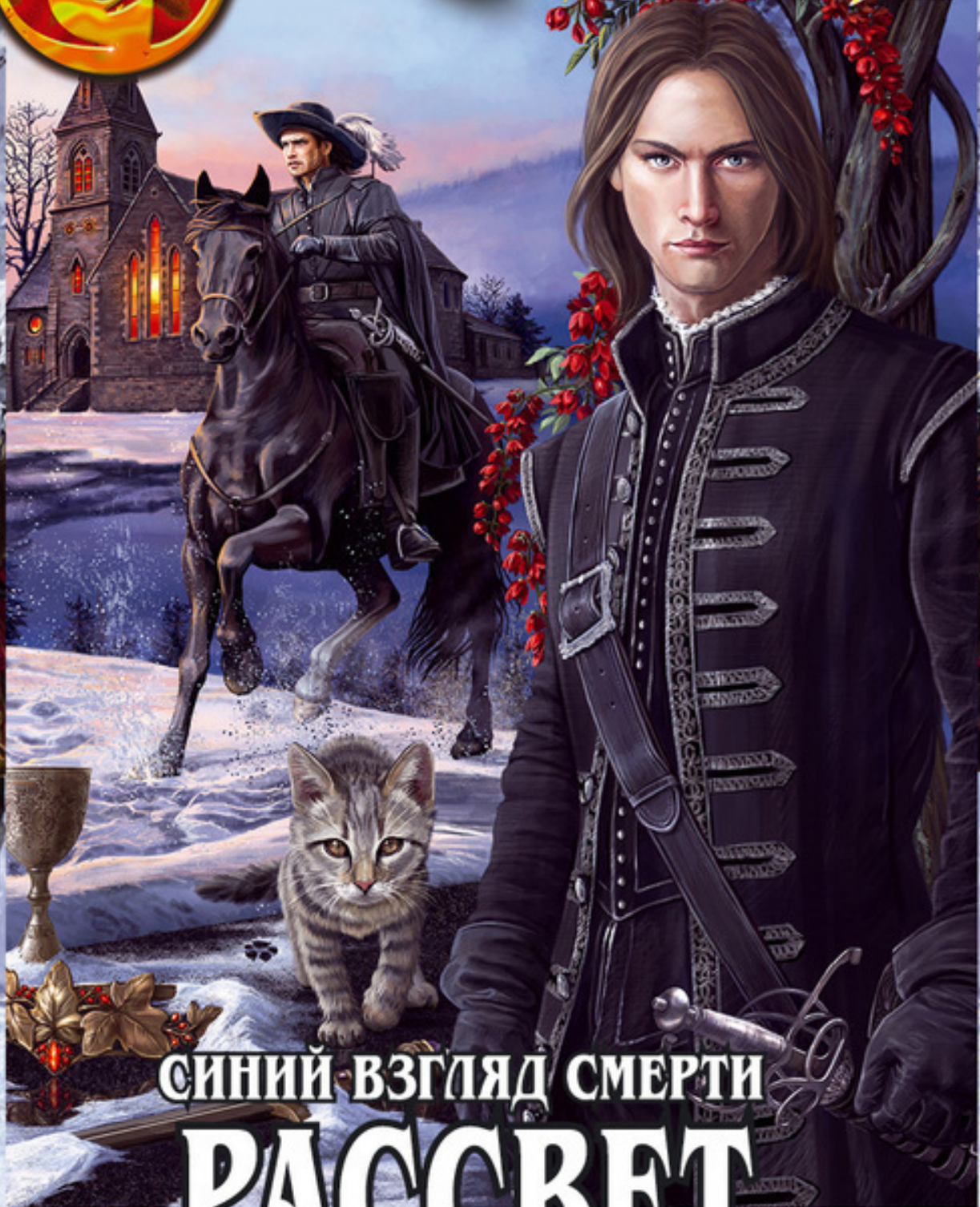

ВЕРА КАТША

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Отблески Этерны (Сериал Этерна)

Вера Камша

**Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть третья**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть третья / В. В. Камша —
«Автор», 2017 — (Отблески Этерны (Сериал Этерна))

ISBN 978-5-04-089315-7

Шар Судеб, задержавшийся было на гребне Излома, срывается вниз, сминая судьбы и руша отлично продуманные планы. Но ведь есть и те, кто смахнет карты со стола и начнет сначала, бросив на кон всё и посмертие. Сбрасывает всадника становящийся пламенем конь, но если выпал шанс шагнуть за грань – нужно шагать. Читает накорябанный поверх черновика стихов приказ маршал Капрас. Смотрит в спину уходящим на смерть полковник фок Фельсенбург. Клянется в заведомо невозможном Селина Арамона. Маршал Савиньяк может больше себя не беречь: вернулся регент, ну а герцог Алва себя и не берег никогда. Кровь на эспере, кровь на клинке, кровь на снегу, кровь и конские следы. Зимний Излом. «Четыре армии и праздник. Будет весело. Очень».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089315-7

© Камша В. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

IX. «Дьявол» («Тень»)[1]	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	62
Глава 10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вера Камша

Синий взгляд смерти.

Рассвет. Часть третья

© Камша В.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Илону и Сергея Спилберг, Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба и Mrs. Colombo

Дураки вечно путают величие с напыщенностью и вино с бутылкой...

Рокэ, герцог Алва

Когда задело берутся короли, логика может удавиться.
Марсель, виконт Залме

IX. «Дьявол» («Тень»)¹

Будьте реалистами – требуйте невозможного!
Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна

Глава 1

Талиг. Мишорье

Талиг. Лаик

400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Приохотившийся к верховой езде Вальдес завел манеру после завтрака проминать коней, заодно проверяя посты, выставленные со стороны возможного подхода «зайцев». И неважно, что прошедшего с дегарского представления времени на подготовку к зимнему рейду не хватило бы самому Райнштайнеру, а Залю, пусть и озверевшему, в такой срок вряд ли удалось бы даже сдвинуться с места. Дозоры все равно должны быть наготове, а власти в лице господина адмирала – на виду.

С постами и на сей раз все было в порядке – люди Гедлера, дежурившие сегодня на заставах, службу несли исправно и на начальство глядели весело. Время шло к полудню, и Ротгер решил возвращаться. Разномастная кавалькада миновала голые по зимнему времени сады и углубилась в ремесленное предместье с его кузницами и мастерскими. Те, что покрупней, щеголяли оградами из необработанного камня, мелочь довольствовалась дощатыми заборами, а приличных мануфактур в Мишорье так и не завелось. Скромно державшийся в середине отряда охранник, он же Проэмперадор Севера и Северо-Запада, помнил, как проинспектировавший западные провинции Манрик сетовал на отсутствие устроителей с деньгами. Тессорий, суля нешуточные барыши, настырно склонял к тратам Придда и даже почти уговорил, но вмешались смерть Сильвестра и, видимо, все же глупость. Прыгнув в кансилльеры, Манрик собственными руками угробил свои же замыслы и в конце концов угодил в Надор на правах взятого на поруки каторжника, а славный городок продолжал жить по старинке, не ведая об утраченных возможностях и, соответственно, не скорбя.

Улочка ползла вверх, на холм, по сторонам тянулись серо-бурые ограды, но впереди уже маячили добротные дома Ратушного квартала, в котором располагался временно адмиральский особнячок с флюгерами в виде резвящихся лисят. Потихоньку признававшая Ли Проныра заговорщицки фыркнула и навалилась на повод, убеждая перейти если не на галопчик, то хотя бы на рысь. Ну зачем, скажите, плестись шагом между скучных заборов, когда можно сперва пробежаться, а потом отлично отдохнуть над кормушкой с овсом? Савиньяк был в целом согласен, однако вел кавалькаду не он. Лионель потрепал кобылу по крепкой шее и глянул на ехав-

¹ «Дьявол»/«Тень» («Le Diable») – высший аркан Таро. Символизирует темную сторону всех вещей, предопределение, фатальность, тайну. В тени скрывается дьявол, но не ходить туда – трусость. Помня о Зле, надо знать, что огонь может быть и светом, и адом. Это преодоление внутренней слабости, возможность освободиться от иллюзий и обмана, предупреждение о необходимости самоконтроля. В худшем случае это соблазн, страх, эгоизм, гордыня, вспыльчивость, скованность, деградация духовного начала. Карта может говорить о жажде материального или физического благополучия, власти, богатстве, иногда означает рабскую зависимость от эротических желаний. ПК: злоупотребление силой, охота за материальными благами, эротические связи без неприятных последствий.

шего во втором ряду Вальдеса; альмиранте будто того и ждал – махнув свите рукой, он перевел мориска в кентер. Верней всего, не терпевшему монотонности моряку опротивели бурые стены и похоронный аллюр, но Ли последнее время крайне занимало сродство душ и единство порывов. Ну что ж, за обедом выясним, а пока, как и все, прибавим ходу.

Окрыленная понятливостью наездника Проныра решила развить успех, сунувшись в щель меж забором и загораживающим дорогу гнедым увальнем. К её досаде, несший бдительного Мишеля увальень обойти себя не позволил; кобыла решила попытку повторить и повторила. С тем же успехом, и это было даже смешно. Пока слева сзади что-то коротко не звякнуло о булыжную стену.

– Муха, – гаркнул скакавший рядом фульгат, – гад за тобой!

– Монсеньор, – а это уже Мишель, – вперед! К перекрестку!

Юное желанье сорваться в погоню за таинственным «гадом» было растоптано с проэмпедорской безжалостностью. Получившая шенкелей Проныра прыгнула вперед, догоняя успешного выхватить саблю Вальдеса.

– Кальевэра, альмиранте, к драгунам! – оно, конечно, не Торка, но влететь в Закат можно и отсюда. – Шварцготвотрум!

Смесь кэналлийского с дриксен подействовала – Бешеный честно погнал к перекрестку, где располагался солидный стоунволловский караул, а привычные к внезапным горным сшибкам «фульгаты» бросились назад. Кроме двоих, прикрывших «монсеньоров». Обернувшись на скаку, Савиньяк заметил, как троица Мухи прямо с седел прыгает на ограду и тут же исчезает во дворе, а остальные, с Мишелем во главе, проносятся мимо и пропадают в проулке. Наперерез рванули, вот только кому? Звяканье это – если слух не подвел, – предвещает не только погоню. Сюрприз оно предвещает.

– И что сей сон означает? – Недовольный, еще бы – не дали подраться, Ротгер уже осадил коня на перекрестке. Подбежали драгуны с мушкетами наизготовку, возглавляющий караул сержант вытянулся в струнку: спрашивать начальство, что случилось, невместно, а само начальство ни кошки не понимает.

– Арбалетчик, монсеньор, – с должным рвением доложил Савиньяк и сам собой восхитился. – Вы, монсеньор, будто почуяли, кентером пошли; преступник толком прицелиться и не сумел.

– Точно так, – один из охранников протянул Вальдесу короткую толстую стрелу. – Бил сзади, из-за забора. В стену влепил.

– Как романтично, – Ротгер с явной заинтересованностью разглядывал широкий, заметно погнутый наконечник. – Любопытно, как покушение перед обедом действует на аппетит. Удачные abordажы его улучшают, а опыта неудачных у меня нет. Надо будет кого-нибудь спросить, вопрос – кого.

Незнакомый с флотскими делами сержант предпочел промолчать, «фульгаты» настороженно оглядывали окрестные крыши, на крышах орали воробьи. Тридцать ударов сердца, и по ушам ударил с детства знакомый «алвасетский» свист. Резкий, с переливами, и тут же снова.

– Дичь подняли, – «перевел» Ли. – Загоняют. Одиночка.

– И кто же это решил нас развлечь? Не «заяц» же! – Альмиранте сунул стрелу ближайшему охраннику, каковым волей Леворукого оказался маршал. – Если я хоть что-то понимаю в этом старье, оно не здешнее и явно валялось пару лет без ухода.

Стрела в самом деле выглядела неважно, и отнюдь не из-за погнутого наконечника. Наскоро почищенное, в пятнах, древко с неровными пластинами некогда аккуратного оперения криком кричало о хозяйской нерадивости.

– Охотничья, монсеньор, – определил Савиньяк. – Хорошей работы, явно ноймарская, на крупного зверя. На кабана там или лося.

– Или... на оленя? А, в любом случае не на чаек!

Снова свист – «Все сюда!». Значит, обложили охотничка, ну, удачи вам, кошки закатные! Вальдес тронул своего мориска и рукой – левой, мерзавец эдакий! – остановил двинувшихся было следом драгун. Вчетвером они проехали пару домов и замерли, вслушиваясь, как «фульгаты», не прекращая пересвистываться, стягивают кольцо. Раздался треск пистолетного выстрела. Еще один... Нет, два.

– Хорошо им, – Ротгер не то жалуется, не то смеется. – Веришь ли, чудом сам не полез!

– Одну свинью ты на скаку уже отловил, хватит.

– Ну, не скажи! Впрок не напишься, не наешься и не надерешься... Если «зайцы» ни при чем, это должно быть что-то очень личное.

– И при этом глупое. Шансов попасть в тебя, стреляя сзади, у злодея не было. Может, ему «фульгаты» не нравятся?

– Может, это вообще муж, только чей?

– Судя по состоянию стрелы, он впридачу еще и Окделл.

Шутки шутками, но Ричарда так и не поймали, а в мелких городишках укрыться легче легкого. Окделл – не Окделл, но кто-то мог здесь засесть со времен если не Алисы, то Эгмонта. Молчал, злился, боялся, а потом страх взял и пропал. Остались злоба и охотничий арбалет. Но тогда били бы именно по Вальдесу.

– Ты почему сменил аллюр?

– Захотелось. Сколько лет смотрю на заборы, но то, что они мне не нравятся, понял только сегодня. Ли...

– Да?

– Как думаешь, что сейчас в Лаик?

2

Лодка не перевернулась, адуаны с Джанисом не только ничего не перепутали, но и позаботились о то ли завтраке, то ли обеде, а начавшийся снегопад заботливо засыпал следы, обходясь при этом без ветра. Когда белесое одеяло прорвали караулившие Лаик деревья, Валме окончательно осознал, что ничего не случилось. До такой степени ничего, что можно было никуда не ездить.

– Мы угробили два дня и не выспались, – поделился своим открытием виконт, – но мы сделаем это сегодня.

– Тем более что послезавтра мы едем, – попытался испортить праздник Алва.

– На войну, – блаженно улыбнулся Валме, – там так уютно.

– Особенно на бастионах.

– Я смотрел карту, – не дал себя сбить виконт. – Чужих бастионов ближе Доннервальда нет, а Бруно с Лионелем помирились. О, ворота!

Ждать не пришлось – «фульгаты» с адуанами продолжали выяснять, кто лучше, и похоже, докатились до совершенства. Заскрипело, лязгнуло, метнулась с дерева дежурная ворона, обрушилась снежная шапка, словно похоронив, вернее, смыв паскудное столичное послевкусие, и тут ехавший рядом Иноходец вздыбил коня.

– Вы что? – удивился Марсель.

– Сам не знаю. – Робер, похоже, и впрямь не знал. – Глупо, но... как же хорошо!

– Будет еще лучше, – заверил Валме, – мы умоемся и закатим пирушку. Я глянул, что прислал папенька: закуски не хуже, чем у Коко, с горячим же положимся на адуанов. И вина жалеть нечего, до Аконы будет не до мелких радостей, а дальше нас станут поить Савиньяки.

– Как тихо... – Если Эпинэ и хотелось есть, на одухотворенности это не сказалось. – Будто во сне. Я давно не вижу снов, но этот снег и дом впереди... Мы вернулись, нас ждут.

Их не просто ждали. Кто-то догадался зажечь светильники на лестнице, у подножья которой ухмылялся Коннер и сидел, то есть уже не сидел, Котик. По ступенькам сбегал еще кто-то, однако Марселю было не до чужих. Вероломно покинутый волкодав не упрекал, как это делала маменька, и не спрашивал на папенькин манер о прегрешениях и ошибках. Именно поэтому виконт счел необходимым объясниться.

– Я пас регента, – Валме вытащил уцелевший кусок сахара, – и мы слегка отомстили за твою дальнюю родню, но больше никуда не поедем. То есть не поедем без тебя. Пошли, поздороваешься с дуксом, он – молодец, только ты его не лижи...

На сей счет у Готти имелось собственное мнение, а может, он просто не дослушал. Положение спас сам Раймон.

– Не надо меня мыть. – Салиган умело отвел песью морду. – Рокэ, дуксов здесь угощают?

– Тинтой, – Алва уже избавился от плаща, – из тайных запасов капитана Арамоны.

– А кагетское? – возмутился дукс. – А варастильская касера?

– Выпита, – отрезал Ворон. – По дороге и в трагической обстановке.

– Я вас угощу кэналлийским. Когда-нибудь.

– Кэналлийское здесь есть, но дуксам положена тинта. Эрвин, надеюсь, вы на нас не в претензии?

– Нет, – улыбнулся ноймар, это он сбегал по лестнице, – вот через месяц я бы точно обиделся, а сейчас я сам себя никуда не возьму. Всю жизнь ладил с лошадьми, но на ваших морисков, герцог, чужим лучше не садиться.

– Просто вам рано в Закат.

– Я туда и не рвусь, как выйдет, так и выйдет. Добрый день, Салиган. Должен перед вами извиниться, я очень долго считал вас мерзавцем.

– Постарайтесь считать и дальше, по крайней мере, при посторонних. Эпинэ, моя просьба относится и к вам.

– Мне будет трудно, – Иноходец словно что-то сглотнул, – но я готов называть вас Жан-Подем.

– Вы взяли другое имя? – удивился Литенкете. – Зачем?

– «Раймон» с «дуксом» не сочетается, – охотно объяснил маркиз, – зато «Жан-Поль» звучит очень свободно. Никаких условностей и ограничений. Что смог взять, то твое. Констанс, вы многое потеряли, из вас, отринь вы свои манерочки, вышел бы отличнейший данарий.

– Мой друг, вы невозможны!

– Я-то как раз возможен...

– Ладно вам, – Марсель на адуанский манер хлопнул дукса по плечу. – Надеюсь, вы тут не скучали?

– Как можно? – барон в недоумении вплеснул руками. – Скука и разум – две вещи несовместные!

– Мы с Констансом всегда найдем чем себя занять, – подтвердил Салиган, – тем более в старинном местечке.

– В Лаик есть нижний храм, – уточнил Робер, – графине Савиньяк он очень понравился. Вам надо посмотреть.

– Так глядели уже, – засмеялся Коннер. – Господин барон как прознали за завтраком, что вы того, наладились в город, его не взявши, так сразу – шась туда!

– Видите! – обрадовался дукс. – Коко своего не упустит. Ну и что ты спас?

– В эсператистской усыпальнице?! – Бровки барона поползли вверх. – Монашеские надгробия дам не шокируют, однако они скучны и предсказуемы. Разумеется, я спустился взглянуть, иначе меня бы не поняли, но сам вид древнего храма, превращенного в могильник, доводит почти до слез. После столь удручающего зрелища мне пришлось принять капель и лечь. Я

не думал, что смогу уснуть, однако уснул и проспал почти сутки. Когда я не вышел к завтраку, граф Литенкетте послал узнать, все ли со мной в порядке; я был растроган.

– А с вами действительно все в порядке?

– О да! Видимо, сказались недавние треволнения, вернее то, что они остались в прошлом.

Сейчас я готов вновь отдаться на милость дорог.

Вдовец в своем самодовольстве был отвратителен, и Валме почти что гавкнул:

– А мы – не готовы!

– Это, – ласково уточнил Салиган, – потому, что вы не спускались в усыпальницу, где нет ничего шокирующего. Проведите там ночь, и вами овладеют беспокойство и тяга к переместации... Мной оно, впрочем, овладело и без могил.

– Оно? – выразил общее недоумение ноймар.

– Беспокойство. Наши дуксы – такие забавники, найдут пару трупиков и придут к выводу, что я тоже почил, а почивший дукс подразумевает немедленную дележку наследия. Конечно, я его потом соберу, но при этом наверняка недосчитаешься если не часов, то ложек.

– Раймо... Жан-Поль, ты хочешь ехать? – не понял Робер. – Прямо сейчас?

– Не хочу, но выпью и поеду. С вами уже ничего не станется, а с вечными ценностями – запросто.

– Дорогой Робер, – в голосе Коко билось страдание, – вы никогда не отвечали за вечное, вам не понять...

– Куда ему! – подтвердил Салиган, на ходу вытаскивая из-под куртки плоский футляр. – Чтобы покончить с делами... Эпинэ, тут твоя расписочка на предмет меня. Регент вернулся, и наш договор теряет силу. Коробочку оставь на память, она хорошенькая. Рокэ, твое отпущение я подделать не смогу, у тебя очень неровный стиль, но оно мне необходимо.

– Обойдешься.

– Тогда поклянись, что переживешь либо дуксию, либо меня.

– Клянусь. Кровью и... – Ворон потрянул волосами не хуже, чем на ундиях, и огляделся, – собакой виконта.

– Р-ряв, – откликнулся Котик, он не возражал, но для начала хотел пряника.

3

Недолгую, но напряженную тишину вспарывает частая дробь копыт. Ожидаемая – выследить загадившего ноймарский арбалет неряху «фульгатам» не трудней, чем обычному коту прихватить обнаглевшую мышь. Пара мгновений, и Муха на своем белоногом вылетает из-за поворота, чтобы осадить коня прямо перед начальством и с достоинством выпрямиться в седле. Точно, поймали.

– Господин адмирал, – вид у сержанта довольный, почти безмятежный, – преступник схвачен.

– Ну, раз схвачен, – Вальдес потянулся, – надо глянуть, кто тут нас с кабанами путает. Где?

– Через три улицы, я провожу.

– Только не молча, а то я почти заскучал. Расскажи мне что-нибудь про погоню.

– Слушаюсь. Мы, будучи числом в...

– Я сказал, расскажи, а не доложи. – Моряк начинал откровенно веселиться. – Хочется чего-нибудь занимательного, а занимательных докладов не бывает. Для красоты можешь при-
врать – про высоту забора там, непроходимость чащ, вековую вражду...

– Так, монсеньор, они уж лет пять как собачатся!

– Тогда про вековую не нужно.

Муха пару раз озадаченно сморгнул.

– Скучно вато дурака ловить, – внезапно пожаловался он, – а куда деваться?

Деваться «фульгатам», как и искомому дураку, было некуда. Определить, где сидел сукин кот, по звуку не вышло, разве что сторону, да и то примерно. Оставалось сразу в нескольких местах запрыгнуть на скрывавшую стрелка стену, тут-то Муха и углядел метнувшуюся за постройки фигуру. Беглеца погнали через дворы, не давая надолго скрываться из виду, и гнали, пока на задах бондарной мастерской не прижали к стенке и не скрутили, хоть злоумышленник и пытался отмахиваться. Приличной такой жердиной.

– Никого не ушиб? Случайно, само собой.

– Ну что вы! – Муха аж задохнулся. – Кто бы ему позволил?! Бочечку побольше, как раз рядом стояла, накатили на холеру, да и спеленали.

– Кого? – вопрос был прямо-таки философическим, но суть «фульгат» понял.

– Да не разберем никак! – признался он с отвращением – Спервоначалу вроде как бесноватый выходил – лаялся непотребно, на клинки пер, по всему видать – ни хрена не умеет, а туда же! Только потом весь кураж будто куры склевали. Морда белая, трясется, хоть плачь над ним.

– Не стоит он ваших слез. – Ротгер рассеянно погладил коня. – И не ваших тоже. Жаль, Бе-Ме не дожил до скверны! Последнее впечатление самое сильное, а я, увы, запомнил труса, и если б только я! Господин Кальдмеер теперь сидит, кается и даже ни в кого не стреляет. Очень грустная история.

«Фульгат» на всякий случай кивнул – он знать не знал, кто такой Кальдмеер, – это Ли после разговора с Фельсенбургом попробовал влезть в шкуру трижды спасенного собственным адъютантом адмирала. Шкура оказалась жуткой, бедняге Фердинанду и то было легче – от него не ждали ни стали, ни льда.

– Ты с ним говорить пробовал? – зачем-то спросил Лионель. Вальдес в ответ лишь поморщился, Савиньяк бы, наверное, тоже поморщился, спроси его кто между делом, говорил ли он с Рудольфом.

– Приехали, – Муха указал на прямо-таки крепостные ворота, возле которых чернели драгунские мундиры. Патруль успел прибежать и вовсю занимался нужным делом, а именно не пускал внутрь стянувшихся на дармовое зрелище соседей.

– Похвали драгун, – шепнул Лионель, придерживая Проныру, как и положено скромному охранныку.

– Дам морковку, – пообещал адмирал и не дал, зато не преминул подмигнуть расфуфыренной тетке необъятных размеров. Толстуха девически потупилась и тут же покосилась на товарок – заметили ли? Те заметили и придвинулись поближе к воротам, однако караульные никого впускать не собирались, и внушительные створки как распахнулись, так и сомкнулись. Растерянно взлаял цепной пес, шарахнулись в стороны породистые мохноногие куры, надо думать, те самые, что склевали кураж, а грязно-белый петух забил крыльями и прокукарекал что-то верноподданное.

– Отставить, – велел птице Бешеный, оглядывая немалый, хорошо выметенный двор. В ближнем углу, нарушая гармонию, кокетничала с облаками огромная лужа, совершенно неуместная в столь достойном хозяйстве, в дальнем виднелась кучка народа, от которой уже отделились «фульгат» и драгунский капитан. Мир был тесен, особенно в пределах экспедиционного корпуса, – на помощь Мишелю подоспел тот самый Бертольд, что участвовал в ловле поросенка. Вальдес драгуна тоже узнал.

– Вы не находите, что все повторяется? – осведомился он, цепляя поводья за луку седла. – Безобразия, удирающая свинья, наши встречи, даже лужа. Прошлый раз она тоже присутствовала. Это был арбалет или что-то с выдумкой?

– Арбалет, – подтвердил Мишель. – Охотничий, только запущенный жуть. За снастью ж следить надо, а тут хоть бы в тряпицу завернули.

– Безобразие, – припечатал альмиранте. – Я это искореню в память дядюшки Везелли. Вы уже вникли в местные страсти? Муха доложил о многолетней войне, но я еще ни разу не воевал с бондарем. За что он на меня покусился?

– Господин адмирал, – Бертольд как-то умудрился не заржать, – покушался не бондарь, а хозяин соседних мастерских, столярных. Пока ездили за вами, я поговорил с местным аптекарем, кажется, это главный здешний сплетник. Стрелявший, Жан Бастьен, в городе его зовут Жан Постник, живет в Мишорье с рождения, унаследовал от отца мастерскую, теперь это почти мануфактура. Постник никуда не выезжал с самой весны, так что его связь с Залем маловероятна. Зато он последние несколько лет постоянно доносит на владельца вот этой самой бондарной мастерской, которого обвиняет в государственной измене и многочисленных покушениях на его, то есть Постника, жизнь и имущество. Бондарь, Жан Скоромник, отвечает тем же.

Судя по всему, столяр, узнав о вашем прибытии, решил устроить покушение и затем спрятать орудие преступления во дворе своего врага. Для этого он похитил охотничий арбалет, принадлежавший покойному тестю бондаря. Об арбалете Постник знал, потому что прежде состоял со Скоромником в большой дружбе.

– Столяры полны коварства, – кивнул Вальдес. – А где бондарь?

– Во избежание смертоубийства держим в доме. Арбалет он опознал, собственно, эта вещь в свое время и стала причиной ссоры.

– Как интересно!

– Монсеньор?

– Мы желаем подробностей, – возвестил Вальдес, заставив бедного Мишеля почти подавиться. – Они должны быть прекрасны.

И они были прекрасны! Болтливый аптекарь выложил, что тесть бондаря, заядлый охотник, оставил зятю в наследство дорожный арбалет. Скоромник, предпочитавший видеть дичь уже на тарелке, собирался его продать, и тут Постник, тоже отродясь не охотившийся, вспылал к чудо-оружию воистину Дидериховой страстью. Будучи лучшим другом наследника, он принялся выпрашивать вожаемую цапку сперва просто так, затем ко дню своего рождения и, наконец, пожелал купить. Как именно торг перерос в склоку, аптекарь, к своему глубочайшему сожалению, не знал, но о последующих событиях Бертольд с Мишелем получили исчерпывающий отчет.

Прежде владения Постника и Скоромника разделяла дедовская капустная грядка. Постник в одну ночь возвел высокий забор, Скоромник подал жалобу на незаконный захват двух бье принадлежащей ему земли и загубленный урожай овощей. Жалобу отклонили по причине отсутствия точной границы, а спустя пару недель забор сгорел. Столяр утверждал, что его поджег бондарь, бондарь обвинял столяра, а накуролесили подмастерья красильщика. Спьяну и на спор. Тем не менее уставшее от кляуз городское начальство обязало истцов разделить владения каменной оградой, а издержки поделить пополам. Истцы стену возвели, но обвинили друг друга в эсператистской ереси и оскорблении величества.

Годы шли, обвинения и доносы множились, на месте погибшей грядки возникла неподвластная плохоньким местным засухам лужа, а ставший причиной бедствия арбалет потихоньку рассыхался и ржавел. Скоромник не рискнул его продать, ведь покупатель мог оказаться наймитом Постника.

– Душераздирающе, – отдал должное местным страстям Вальдес. – Не представляю, как этот ужас скажется на моих снах. Мне, как полубергеру, остается лишь уповать, что первый агм с первым варитом просто подрались, но, никуда не денешься, пора судить. Приведите сюда второго, а я пока гляну на первого.

4

Злоумышленник смирно сидел у стеночки, кривя поджатые губы. Не столько высокий, сколько длинный, с благообразным унылым лицом, он запросто сошел бы за причетника или псаломщика, но это ничего не значило – бесятся и епископы.

– Очень мило, – Вальдес мазнул стрелка взглядом и повернулся к «фульгату». – Вчера я приметил похожего у ратуши.

– Монсеньор! – столяр попытался вскочить, но «фульгаты» всегда умели связывать. – Монсеньор... умоляю... Я не хотел... Я хотел...

– Так хотел или наоборот? – Когда Вальдес поднимал бровь, он начинал походить на Алву. Когда дрался всерьез – тоже.

– Я... донести до сведения... вашего превосходительства, – зашелестел Постник. – Мой сосед... убийца... Ратуша подчистую куплена...

С места, где стоял Ли, разобрать признания во всех подробностях не выходило, но суть ухватить удалось. Отчаявшись добиться справедливости от подкупленных супостатов чинуш, Постник зауповал на грозного Вальдеса. Увы, жалобу на имя героя заседавшие в Ратуше мздоимцы не приняли, и тогда столяр решил действовать. Сперва он думал пробиться к «самому», но потом решил побереечь драгоценное адмиральское время. Злокозненный сосед был несомненным преступником, а начавшаяся война требовала решительных мер. Постник знал, где бондарь хранит оружие, он знал про соседа все. Под утро, усыпив корыстного пса, умник стащил арбалет, с которым и засел на пути Вальдеса. Нет, не подумайте, никого убивать он не собирался. Главное, чтоб гнусного изменника...

«Не собирался...» Как те Колиньеры! Обер-прокурор с братцем доводили до бунта провинцию и совали королю изнасилованную деву, столяр стрелял по солдатам. Да плевать ему было, попадет в кого или нет, главное – натравить, наконец, власти на соседа!

Позицию, надо отдать ему должное, Постник выбрал удобную, но «фульгатов» он не учел, а потом и вовсе впал в слабоумие. Дураку бы бросить оружие и прикинуться выбежавшим на шум добропорядочным горожанином, а он помчался к бондарю, надеясь среди бела дня сунуть арбалет в собачью будку и прошмыгнуть домой через тайный лаз.

– Я потерял голову... я никогда... я всегда... вашим людям... вреда... он – изменник... нужно остановить... особенно сейчас...

– А-а-а! – проорало из-за бочек. – Скулишь, вражина?! Он – убийца, монсеньор, и еще он в заговоре!..

– Лжец! – взвыл стрелок, пытаясь развернуться лицом к сопровождаемому драгуном врагу.

Прозвища в Мишорье давать умели. Скоромник был толст и румян в той же мере, в какой Постник – зелен и худ. И еще бондарь был невероятно, до сияния счастлив, так могла бы сиять перезревшая тыква, глядя, как огородник солит огурцы.

– Фрида! – ликующий вопль напомнил сразу о триумфальных маршах маэстро Алессандре и агмштадской глупости самого Ли. – Фрида! Где тебя носит, язва конопатая!

Выбежавшая служанка действительно была конопатой – вопреки зиме и далеко не юному возрасту; впрочем, она была бы недурна, не лиловей под глазом здоровенный синяк.

– Вина! – неистовствовал Скоромник. – Пива! Красный бочонок! Целый!!! Всем, кто выловил эту вошь! А ведь я докладывал... Я сообщал, я целых шесть лет...

Скромный кэналлиец всегда может увязаться за служанкой, Лионель и увязался – проверить мелькнувшую догадку можно было, не покидая двора, но Проэмператору захотелось взглянуть на дом. Повелитель бочек жил хорошо, а обилие герани, вазочек и вышитых поду-

печек выдавало душу если не сентиментальную, то женатую и подчиненную вкусам супруги. Которой самое время было бы появиться.

– А хозяйка-то где? – полюбопытствовал Ли, став кем-то вроде Мишеля. – В отъезде или приболела?

– Ох, – Фрида и не думала скрытничать, – пластом второй день лежит!

– Упала? – «Мишель» с намеком и сочувствием уставился на подбитый глаз, – или муже-нек... приголубил?

– Он! – *эта* Фрида взгляды понимала правильно. – Ручища-то как лопата.

– Вот же скот! – развил наступление маршал. – Видать, правду этот, как его, говорит...

– Да не водилось за ним такого! – подтвердила возникшие подозрения служанка. – Не то б они с Постником давно друг друга порешили, а так бумажки писали да чинуш обхаживали.

– Неужели?

– Чего мне врать? – буркнула язва, обтирая мятым полотенцем красный в золотых цветах бочонок. – А нас с хозяйкой святой Конрад покарал, не иначе. Первым-то сосед лапы распустил. Трепло Бови, аптекарь который, шепнул, что от Постничихи за настойкой от синяков прибегали, мы и посмеялись. Дескать, пилила столярша своего столяра, пилила и допилилась. Кто же знал...

– Никто, – подтвердил Савиньяк, водружая на плечо расписное диво. Создатель золотых розанов талантом не уступал создателю розовых лебедей, но темперамент у него был другой, как и покупатели. Лебединые рамочки влекли алчущих нежности, цветастые бочки предполагали буйство страстей, но Скоромник смирно сидел среди гераней, а не менее терпеливого Постника пилила супруга. Два тихих врага годами уповали на кляузы и взятки. Они бы и дальше писали доносы и боялись жен, но кто-то расплескал колодцы, и тихони осмелели.

– Может, перепили с кем? – продолжил светскую беседу «Мишель», – встретили там кого, ну и...

Конопатая Фрида, хоть и побитая и изруганная, осталась справедливой и объяснила, что хозяин на стороне не пил, зато выяснилось, что на прошлой неделе враги очередной раз сошлись в суде. В страшной сказке Скоромник Постника бы укусил, в страшной жизни бондаря хватило пары часов в одной комнате с наглотавшимся скверны столяром.

– Осторожнее тут, – предупредила спутница, – дверь не про вас, низковата.

Савиньяк по-адуански хохотнул и галантно пропустил даму вперед, дама умело подбрала юбки, явив миру недурные щиколотки. Подбитый глаз жизни не помеха, ей ничто не помеха, кроме смерти.

На дворе прибавилось подмастерьев и драгун, среди которых мялась пара судейских и блестел счастливыми глазками живчик средних лет, его Ли тут же записал в аптекари. Вальдес вполуха слушал похожего на Гогенлоэ старика с цепью выборного, Постник так и сидел у стены, а у ног отдувающегося Скоромника появилась корзина – похоже, в винный погреб бондарь лазил лично.

– Зелены оба, – доложил по-кэналлийски Лионель, ставя ношу наземь. – Попробуй поджечь.

– Сейчас мы выпьем, – подскочивший Скоромник затряс пыльной бутылкой, – мы будем пить, и доблестные солдаты будут пить, а преступник будет дрыгаться в петле. Это отличное вино и отличный день, лучший день в моей жизни...

– Вино не трясут, – Вальдес ослепительно улыбнулся, – но последний день многим кажется лучшим. Развяжите столяра, он меня убедил.

– Как?!

– Так не покушаются, а за дурные шутки я не вешаю. Особенно если в них не все шутка!

– Монсеньор, – столяр молитвенно сложил развязанные руки. – Монсеньор... Умоляю во имя блага Талига... Скоромник, то есть мастер Пессон, – изменник. Он в сговоре!

– Не сейчас, – благожелательность Ротгера сделала бы честь мышкующему коту, – переоденьтесь, отдохните и, если судьбе будет угодно, вечером приходите. Вы мне напомнили старого знакомого, я его никогда не забуду и уже никогда не увижу.

– Я... О, монсеньор! Я обязательно, обязательно... Монсеньор ценит мореный дуб?

– Ценю, – адмирал подхватил под руку выборного и отошел, оставляя столяра наедине с бондарем и бушующими чувствами. Чувства искали выход и нашли.

– Что, убийца? – окончательно развязанный Постник уже не шелестел, а скрипел, как несмазанная дверь. – Думал винишком купить? И кого? Самого адмирала Вальдеса!

Скромник не отвечал. Тяжело отдуваясь и багровея, он пепелил врага взглядом, только враг не пепелился, напротив, вид онемевшего недруга пробудил в нем удадь. Окончательно расхрабрившись, столяр атаковал. Тощая фигура, неуклюже замахиваясь, галопом проскочила мимо «сержанта» Савиньяка, и вот она, вожаемая цель!

– Брюхо ты ходячее, – растопыренная пятерня метнулась к пламенеющей щеке, – да я тебе... в тебя...

– Ты?! – проревело в ответ. – Меня?!

Ответная затрешина сбила разогнавшегося столяра с ног. Отлетев назад и кувыркнувшись, Постник с воплем ринулся к валяющейся в паре шагов здоровенной жердине. Похоже, той самой, которой уже пытался отбиваться от «фульгатов», но Муха вовремя наступил на неё сапогом.

– Убью-ю-ю! – воет белоглазая оскаленная тварь, озираясь по сторонам. У твари, к её сожалению, нет ни клыков, ни когтей, она ищет, чем убить, и находит! Странного вида топор на длинной ручке – с лезвием, посаженным поперек. Но поперек оно или вдоль, голову-то всяко проломит, вот прямо сейчас, вот эту ненавистную голову!

– А ну, подходи! – мощный бондарь уже потрясает вторым топором. Обычным. – Глист!.. Мощи вонючие...

– Молчать! – бросает «успевший» вернуться Ротгер. – Не смей трогать нужного мне человека!

Скромник сотрясается всем телом и разворачивается к адмиралу. На багряной, как надорский штандарт, морде знакомо белеют полные смерти глаза.

– Так он тебе нужен?! Купил, сволочь тощая!!! Все вы такие... Сдохни...

Длинный, достойный сразу и жабы, и льва прыжок, вскинутый над головой топор. До Вальдеса не больше шага, но Мишель уже рядом, уже за спиной. Веревка захлестывает запястья бесноватого, рывок осаживает тушу назад. Мгновение, и с двух сторон налетают «фульгаты», сбивают с ног, начинают сноровисто вязать.

– Больше эти тела мне не нужны, – Вальдес слегка подвигается, давая взглянуть, как то же самое проделывают со столяром, – как и мощи. Но как же роскошно мог уйти из жизни Бе-Ме, ограничься он сушей. Увы, в море трус остается трусом. Эномбрэдастрапэ!

– Предатель! Сволочь кэналлийская!

– Убью-у-у!..

Постник в руках «фульгатов» извивается оскорбленной гадюкой, Скромник извиваться не может, однако пытается. Более всего это напоминает подвешенный мешок, из которого рвется обезумевший боров.

– Я... – подает голос один из судейских, – я... должен... составить... должным образом...

Заходится лаем пес, держится за голову и порывается что-то говорить выборный. Аптекарь наслаждается зрелищем, конопатая служанка смотрит в землю, рядом блестит своей позолотой заветный бочонок. Пива в этом дворе сегодня не выпьют.

– Дальше неинтересно, – Вальдес окидывает бесноватых хмурым взглядом, – обоих на сук, а мы поехали.

– На сук? – обстоятельный Мишель явно прикидывает вес бондаря.

– Ну, или если в городе есть приличная виселица, то на неё. – Альмиранте беззвучно шевелит губами и изрекает: – За покушение на власти из дурно содержащегося оружия, что само по себе есть мятеж, отягощенный оскорблением памяти генерала Вейзеля, и подлежит немедленному искоренению. И за прилюдное нападение на меня, что подлежит таковому еще больше.

Глава 2
Талиг. Акона
Талиг. Лаик
400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

С отъездом Жермон, само собой, затянул, надеясь наверстать в дороге, и таки наверстал. До Аконы генерал добрался даже на день раньше, чем обещал, убывая в негаданный отпуск, добравшись же, разозлился – армия еще не выступила! Она, по всем признакам, вот-вот собиралась это сделать, но задержаться в Альт-Вельдере еще на день, если не на два, было можно. Савиньяк разрешил догнать своих на марше, а Райнштайнер брался в случае необходимости помочь Карсфорну, только Мельников луг показал, что Гэвин в состоянии управиться с флангом сперва разбиваемой, а потом и разбитой армии, чего уж говорить об отдохнувшем, отлично экипированном авангарде!

Потерянных дней было жалче всей ухнувшей в пропасть юности. Ну, лишили наследства, ну, выставили в Торку, беды-то? А вот не добродить по стенам, не додержаться за руку, не дослушать, не досказать, не доцеловать... И все из-за дурацкого срока, который сам же себе и поставил!

Генерал сердито подкрутил усы, которые не сбрил лишь благодаря заступничеству ими же исколотой Ирэны, и придержал лошадь. Объезжать ползущий через перекресток обоз не захотелось, и Ариго почти бездумно следил за тяжелыми фурами, между которых пробирался куда-то спешащий разъезд. В глаза бросилась знакомая еще по Торке физиономия.

– Нед!

– Я! – Нед Минтерн, он же Нед-Надодумать, по-прежнему ходил в капитанах, но генеральскую руку потрянул без стеснения, после чего обрадовал – «завтра выходим».

– Отлично, – кивнул Жермон.

– Надо думать, – подхватил честно заслуживший свое прозвище Нед, и озерный замок канул в туман, вернее, в дым будущих схваток. Стало немного грустно, как бывает на закате, но солнце вместе с грустью уходит под землю, и понимаешь, что пора ужинать. Генерал Ариго понял, что пора воевать. Будущий рейд особых сложностей не обещал, разве что предстояло сказать офицерам про Заля. Пока истинную цель похода держали в секрете – Нед, по крайней мере, не сомневался, что корпус бросают против засевших в Оллории злыдней.

– Тоже мне, – вещал капитан, – цыплаки щипаные, а туда же, орлами глядят! Ничего, зажарим, с Савиньяком недолго прокукарекаешь.

– С которым Савиньяком? – перебил внезапно развеселившийся Ариго.

– Так со старшеньким! Второго не распробовали пока, надо думать, тоже неплох, Савиньяк же!

– Старший в Аконе?

– Аккурат перед обедом на Конской заставе видел, вместе с Райнштайнером. Надо думать – к Дубовому собрались, больше там никто не стоит.

– Это точно старший был?

– Куда уж точнее! Мориск в яблоках, кошки закатные в конвое, а уж глянул... Хорошо, не я наерундил!

Сам Нед по собственному почину не ерундил никогда, ибо, вопреки собственным призывам, много думать обыкновения не имел. Чем, между прочим, выгодно отличался от пресловутого Хорста, который доставшейся ему башкой пользовался при каждой оказии. Первый стал хорошим капитаном, второй – ужасным полковником, к счастью, подчиненным не Жермону.

Рыскать по окрестностям в поисках Савиньяка было откровенной глупостью, оставалось в ожидании начальства заняться своими прямыми обязанностями, и Ариго свернул к цитадели, надеясь найти там Карсфорна.

Засыпанный только что выпавшим снегом город казался праздничным, чему немало способствовала уличная суета. Скрипели фуры, носились курьеры и адъютанты, рысили по своим делам разъезды. Река уже стала, но на лед рисковали выбегать лишь мальчишки, так что у Цитадельного моста пришлось переждать, пока пройдут артиллерийские запряжки. Задержавшаяся на том же въезде горожанка в отороченной пухом накидке послала генералу воздушный поцелуй, Ариго ответил. Красотки влюбленному в собственную жену Жермону были без надобности, но военный не должен спускать флаг галантности, иначе его не поймут, вернее, поймут не так и навоображают всяческих бедствий. «Ох, а генерал-то сам не свой, неспроста это, опять гадость где-то приключилась...»

Довольная полученным ответом женщина откинула капюшон и оказалось молодой и очень славненькой. Прежде Жермону такие нравились, прежде он завершил бы вечер в какой-нибудь комнатке с морискиллой и расшитой ромашками скатертью. Чудовищно!

2

Наследник Валмонов давно так не любил все сущее, а сущее давно не вело себя столь прилично. Вокруг было сухо, а кое-где еще и тепло, никто никуда не провалился, а папенька обеспечил роскошный стол, в довесок к коему собрал изумительную компанию. Пусть Коннер был предопределен еще в Сагранне, но остальные! Очаровательный Джанис, столь нужный для вправки мозгов Ноймаринену Литенкетте и миляга Дювье, которому можно смело препоручить Эпинэ. Единственной, хоть и некрупной, занозой был обхаживающий Литенкетте Капуль-Гизайль. Марсель ценил жизнь и комфорт всяко не меньше Коко, но вдовцу бы следовало побольше жалеть о Марианне и печься о судьбах отечества, без которого не будет ни концертов, ни соусов, ни Рож. Курлыкающий об антиках барон напрашивался на изысканную порку, однако повода не находилось, а успешное возвращение и скорый отъезд требовалось отметить. Виконт немного подумал и велел накрыть в галерее, у камина. Вышло уютно и необычно, что не могло не наложить отпечатка на беседу. Большинство знакомых виконту дам сочли бы ее всего лишь пикантной, но Повелитель Скал в своей добродетели был столь же тверд, сколь уныл.

– Прошу меня простить, – печально изрек он, воздвигаясь над плачущим сыром, – я не имею ни малейшего права требовать от вас, господа, избегать некоторых предметов, но они мне претят как эсператисту и пусть и косвенно, но задевают некую даму, которая выше всего земного.

– В таком случае, Надорэа, – Рокэ смотрел на свечу сквозь полный бокал и улыбался, – вам остается нас покинуть и провести вечер в мечтах и молитвах.

– Это ужасно... Ужасно, что вы...

– Тогда терпите, – отрезал, не дослушав, Ворон. – На пиру нечестивых праведникам положено либо терпеть, либо обличать, становясь при этом окончательно святыми и покойными, но мы вас, само собой, не уьем. Ваше здоровье!

– Благодарю, – надорец растерянно улыбнулся и еще более растерянно глотнул вина. «Черную кровь» тоже прислал папенька, а «Дурную» привез Лагартас. Бедняга! Ускакать на ночь глядя в снегопад, да еще с улыбкой, – это величественно. Над головой у Салигана хотя бы висит дуксия, но рэй Эчеверрия мог лишний денек и подождать.

– Эйвон, вы не правы. – Эпинэ обычно вел себя тихо, и Марсель сразу насторожился. – Если б только Левий... Поймите же! Агарис в выгребную яму превратили эсператисты, в смысле те, кто так себя называл. Вот они на словах не касались того, что было их сутью, а сами... Сами лезли в Гальтару, только не за красотой!

– В Гальтару? – не понял Эйвон. – Как?

– На карачках, жабу их соловей, – хохотнул Коннер, – вы бы, сударь, сели. Уж про кого, про кого, а про сударыню вашу тут никто и словечка не скажет. Зато мясо сейчас дойдет!

Удивительно, но Ларак-Надорэа не просто сел, он потянулся к тинте, которую вскипятили вместе с надранными в саду рябиной и шиповником. Коннер довольно хмыкнул, откромсал себе агарийской ветчины и от души ляпнул на нее алатской горчицы. В теории это было ужасно, однако Валме счел возможным попробовать. Оказалось недурно, всяко лучше, чем с дыней, кою предписывал «Трактат об изысканной и здоровой пище».

– Прошу простить мой порыв, – напомнил о себе Ларак, – я остаюсь с вами.

– И это упоительно. – Коко промокнул губы салфеткой с монограммой Арамоны. – К тому же в ваших претензиях есть зерно истины. Горькое зерно. Я бы тоже предпочел, чтобы гальтарские сюжеты были не столь... своеобразны.

Господа, надеюсь, вы понимаете, что я не ханжа и воздаю должное величию былых страстей. Дело в неприятном своеобразии некоторых из наших с вами современников. Конечно, я заведу львиную собаку, я уже договорился с генералом Коннером, это уменьшит, если так можно выразиться, риск матерьяльный, но не возвысит ду́ши моих гостей. Увы, среди них слишком много тех, кого возбуждает не искусство как таковое, а то, от чего некогда отталкивались гении. Те же Арсак и Сервиллий... Среднегальтарский период, восемь изумительных групп, и что же?! Покойный граф Ариго, я бы сказал, заслуженно покойный, трижды меня просил их показать, но разве его занимали пластика и композиция? Отнюдь нет! С другой стороны, графиня Савиньяк, поразительная женщина, могла бы оценить анаксианские шедевры, если б ее не отвращало то, что она считает клеветой, а я – взлетом фантазии, порожденным воображением гения и, видимо, высочайшим заказом. Сервиллий и Арсак вторичны, только разве это объяснишь матери, у которой столь блистательные сыновья, матери, вынужденно принимавшей таких гостей, как Колиньяры? Величие и красота влекли и будут влечь не только творцов, но и людей с разнузданным и при этом убогим и невостребованным воображением. Они упиваются своей распушенностью, а страдает искусство.

– Если искусство ведет себя, как упомянутые господа, оно рано или поздно начнет страдать. – Алва рассматривал на свет уже другое вино. – Порой от штандлеров, порой – от шпаги.

– Иногда, – добавил Марсель, – еще и от розог. Как Дидерих!

– Это для нижних комнат, – замахал ручками барон, – когда я вновь их открою, там будут подавать форель и говорить под нее о Дидерихе, но мы до подобного не опустимся. Угорь и Иссерциал, а в присутствии дам – Веннен и легкий Лахуза. Восхитительное вино, герцог.

– Да, – согласился Рокэ, – удачный год... Вино при отсутствии дам позволяет коснуться изнанки совершенства. Я представляю, с чего и для чего Иссерциал изуевичил Сервиллия, но откуда он взял развлечения Перидета и выходки похитителей Элкимены? Вы можете нас про-светить?

– Мой дорогой, – вот теперь в голосе Коко прорезалось страдание, – вы ждете от меня невозможного! Я влюблен в гальтарское искусство, это так, но истинно влюбленный не в состоянии говорить о низменном, даже зная, что оно неотторжимо от предмета чувств.

Мы носим в своем сердце блеск очей, дрожание ресниц, выбившийся из прически локон, нежный смех, но не... иные звуки, издаваемые человеческим телом помимо нашего желания. Что бы вы сказали о поэте, воспевающем отрывку своей красавицы, о худшем я даже не упоминаю! Если вам нужны уродливые подробности, ищите тех, кто испытывал уродливые чувства. Адепты Чистоты и Истины выискивали и уничтожали творения гальтарского гения и не

постыдились оставить поучения. Эти писания омерзительны, но лишь в них вы найдете следы высохшей рвоты, толь...

Под коленку недвусмысленно толкнуло. Виконт понял, что пора ронять ветчину, и ошибся – нет, ветчина отправилась туда, куда следовало, но разделявший с адуанами тяготы ночного караула Котик явился не только и не столько за угощением. Ему требовался хозяин, причем срочно. Марсель неторопливо поднялся и не скрываясь – затянувшееся застолье подразумевает кратковременные отлучки – вышел. За порогом улыбался гениальный волкодав, при виде Марселя вильнувший бывшим помпоном и попятившийся.

– Иду, – заинтригованный Валме двинулся за проводником вниз по лестнице, где обнаружился адуан из числа тех, кто утром поджидал лодку.

– На конюшнях, – коротко объяснил он, протягивая плащ. – Ждут.

Дукс Жан-Поль Салиг восседал на сене и дразнил еще не кота, но уже не котенка. На всякий случай Валме взял пса за ошейник и получил заслуженно недоуменный взгляд – Котик детей не ел.

– Дело не в тебе, – быстро извинился Валме, – юность часто нападает первой. Салиган, так вы вернулись?

– Не вернулся, поскольку не уезжал, – рука в предусмотрительно не снятой перчатке почти подставилась под кошачье «объятие» и тут же издевательски отпрянула. – Вам никогда не приходилось забираться туда, откуда вас выставили, причем поделом? Упоительное чувство! Ощущаешь себя искупившим и при этом победившим. Это как выиграть у невинности вещьцу, которую когда-то сперли у тебя самого...

– Не пробовал, – признался Валме, – но буду иметь в виду.

– Имейте. – Дукс ухватил разбушевавшегося полосатика за шкурку и водрузил на одну из низких балок. – Я знаю кэналлийский, но этот унар меня не понимает.

– Зато вас понимают кэналлийцы, – утешил Валме. – Меня тоже, но при этом ржут. Между прочим, вы меня выдернули из-за стола, а Готти – из дозора.

– Ну, выдернул. Общество Эпинэ на меня дурно повлияло, и я решил слегка покаяться. Для начала да будет вам известно, что Рожу нашел не корыстный обыватель, а я. Выручку мы с Коко поделили почти честно.

– Я бы дал и больше, чтобы вы ее потеряли, – признался Марсель. – Вместе с той, что раскопал Савиньяк.

– Который?

– Лионель.

– Тогда сами теряйте, а я предлагаю кое-что найти. То есть я уже нашел, но есть нюансы...

В спину ударило нечто мягкое, нетяжелое и при этом колючее. Настырно запищало, и виконт понял, что им воспользовались для спуска. Отцепить длиннохвостого «унара» было делом нескольких мгновений, но Салигану, чтобы вывалить на охапку сена свою находку, хватило.

3

Артиллеристы проскрипели, и Ариго торопливо послал коня на мост. Цитадель встретила деловитой беготней, никакого сравнения с тишиной месячной давности, однако искомое генерал нашел там же, где оставил. Карсфорн с привычно красными глазами поднял голову от знакомой карты – явно прикидывал план уже весенней кампании.

– День добрый, Гэвин, все не высыпаетесь? – Проявления чувств приводили начальника штаба в смущение, и Жермон, скрывая оные, тоже склонился над тщательно прорисованной Приддой. – Как интересно... Савиньяк нацелился еще и на Доннервальд или это вы на всякий случай?

– Добрый день, Жермон, – не запинаться, называя начальство по имени, Карсфорн все же научился. – Вы, видимо, еще не знаете. Диспозиция кардинально поменялась, теперь наша главная задача не допустить захвата Доннервальда Горной армией.

– Они-то здесь откуда?! – От кого, от кого, а от чуть ли не сросшихся с перевалами горников такой пакости никто не ожидал. – Гэвин, это точно?

Будь Карсфорн Ульрихом-Бертольдом, он бы грозно засопел и обличил гнусных варитов. Начальник штаба всего лишь передвинул карту.

– Как нам утром сообщил маршал Лэкдеми, – доложил он ровным голосом, – командующий Горной армией принял сторону Эйрехта и выступил против Бруно. Доннервальд – его наиболее вероятная цель, причем есть серьезные опасения, что часть гарнизона крепости может присоединиться к мятежу. В свою очередь, лояльные Бруно офицеры должны получить поддержку от адептов ордена Славы, хотя вряд ли это можно считать достаточной гарантией. Маршал Лэкдеми полагает, что подпускать Горную армию к Доннервальду нельзя. Мы выступаем завтра.

– Это-то я как раз знаю... Гэвин, меня тут не было, да и не силен я в интригах, но вдруг слух о горниках – ловушка? Бруно нужен повод разорвать перемирие, причем по нашей вине, вот он и придумал.

– Говоря по чести, у меня и Гаузнера были похожие сомнения, – Карсфорн еще раз подвинул карту. – Райнштайнер и Фажетти полученным сведениям верят безоговорочно, поскольку маршал Лэкдеми сослался на брата, у которого собственные источники. За неимением серьезных возражений приходится допустить, что все так и есть.

– Сколько у них может быть людей? – Заматеревшие на перевалах дриксы – это тебе не зайцы, пусть и четырежды бешеные, это звери серьезные, и как бы не оказаться между двух огней! Сцепишься с горниками, а в спину или во фланг ударят из Доннервальда.

– Точных цифр маршал не называет, но не менее двадцати пяти тысяч.

– Тогда придется поспешить. – Правильно он не поддался искушению урвать у войны, пусть и задремавшей по зиме, несколько дней. Место командующего авангардом при авангарде, какими бы надежными ни были Карсфорн с Ойгеном. – У нас-то как дела?

– Основные приготовления успешно завершены, – улыбнуться начальник штаба себе не позволил, но он был доволен. – Мы выходим завтра, за нами – гвардейская пехота. Бергерский корпус двинется вечером, но ускоренным маршем. Шарли и алаты выступают из своих лагерей на следующий день и присоединяются к армии уже на марше. Артиллерия тоже готова, должен заметить, что Рёдер показал себя очень достойно.

– А как с обозом?

– В целом готовы, но просили еще один день. Маршал совершенно справедливо не дал, так что выйдут сразу за Рёдером. Вы голодны?

– Забыли, что я не голоден только после обеда? И то очень недолго. За Анселом послали или у Мариенбурга тоже ожидается... сюрприз?

– Одну минуту. – Карсфорн дернул шнур звонка, вызывая адъютанта. – Распорядитесь насчет обеда. Анселу, Лейдлору и в Марагону отправлены приказы быть наготове, ждать дальнейших распоряжений и усилить бдительность, но Лейдлор на север не пойдет в любом случае.

– Правильно, пусть сторожит Тарму... Леворукий, сразу как-то не дошло! Командующий ссылается на брата, выходит, Лионеля здесь нет?

– Может быть, вы удивитесь... – Карсфорн принялся сворачивать карту. – Лично я удивился, но маршал Савиньяк не намерен прерывать начатый им рейд. Армию возглавит маршал Лэкдеми.

– Какого Леворукого... И кто будет командовать здесь, если Савиньяки один на севере, второй на западе?

– Айхенвальд, которому переподчиняются все остающиеся в Придде войска. И те, что у Кольца, и разбросанные по провинции. – Гэвин покончил с картой и теперь смотрел прямо. – Жермон, я полностью разделяю ваше недоумение. Имеющихся в распоряжении Проэмперадора сил явно недостаточно для уничтожения Заля. Единственное объяснение, которое я смог найти, это желание Савиньяка лично помочь маршалу фок Варзов. Сейчас в распоряжении старика находятся один драгунский полк, два эскадрона разведчиков и некоторое количество собранных на месте добровольцев. Они, без сомнения, люди храбрые, а многие еще и с опытом, но в нормальный полк пока превратиться не успели. Несколько дней назад от фок Варзов пришла просьба об усилении корпуса кавалерией. Маршал Савиньяк, получи он аналогичное обращение, мог на него откликнуться в присущем ему... стиле.

– Пожалуй. – Особенно если Лионель сомневается. Основания для этого есть, а корпус может оказаться... скорее всего окажется как раз на пути у горников. Знать бы еще, взбесились они или просто хотят отлупить Талиг. – Кавалерию фок Варзов послали?

– Выйдут с рассветом. Генерал Райнштайнер предложил отправить туда «лиловых», усилив их ротой «фульгатов». Я и Рёдер, как видевшие Придда в деле, это предложение поддерживали, маршал Лэкдеми не возражал. Кстати... Жермон, я могу вас немного обрадовать: нашелся ваш конь.

– Барон?! – не поверил своим ушам Ариго. – Где, как?!

– Судя по всему, жеребец как-то сумел перебраться через реку. Его поймал один из жителей Мюллеблю и перепродал барышникам. Люди Придда, занимавшиеся лошадиным ремонтом, коня узнали и выкупили. Я думаю, уже можно перейти в столовую.

– Где Барон?

– На здешней конюшне. Жермон, вы же с дороги...

– Закатные твари, Гэвин, неужели вы ни разу не находили тех, с кем уже распрощались?!

4

Концы галереи уходили во тьму, как в воду или в неизвестность, но камин горел, а бокалы звенели. Кэналлийское, алатский хрусталь, странная пирушка после сумасшедшей прогулки, скорая дорога... Робер не понимал, пьян он или еще нет, он просто любил всех, кто собрался у этого огня, и не хотел больше никого терять. Никого и никогда!

– Где ваш бокал? – Алва держал очередную бутылку. Которую по счету? – Выпейте и подумайте о чем-нибудь славном.

– Вы в самом деле слышите мысли!

– Просто я вижу ваше лицо.

– Рокэ, я пьян...

– Скорее взволнованы.

– Я хочу выпить за вас! Не знаю, как такое вышло, но вы и Салиган... Почему вы это делаете? Катари... сестра сказала на суде, что вас всегда предавали! Всегда, а вы даже не мстили, но так же нельзя. предавать вас нельзя! Я получил от вас две жизни и Дракко, но и это не все... Трудно объяснить...

– Хочешь сказать, что не предашь? Это очевидно, а Рамон... На моей памяти он еще ни разу не продал то, что я бы назвал совестью, зато все остальное, если сторгуетесь, твое. Кажется, – Алва возвысил голос, – здесь говорят о полотнах Коро?

– Барон хочет посмотреть наши картины, – засмеялся Эрвин. – Я не против, но когда отца нет, мама принимает только знакомых.

– О, я не навязчив, – барон потупился, – мне довольно надежды на то, что я когда-нибудь увижу ноймарские шедевры.

– Возможно, вы увидите еще и алвасетские. – Огонь и словно бы светящийся бокал, это уже было. Когда? Где? – Как вы думаете, почему одни картины живут дольше других? Краски, олифа, полотно или картон, даже рука – одни и те же, но что-то кажется написанным вчера, а что-то становится смутным пятном или расплзается при первом прикосновении.

– Тонкое наблюдение. – Коко знакомо тряхнул париком. Зачем ему эти собачьи уши, ведь он же не лысый! – Тончайшее, но вы упомянули Алвасете! Неужели я когда-нибудь смогу увидеть...

– Сможешь, – донеслось из-за камина. – Прямо сейчас и меня!

– Салиган... – барон взлетел с места не хуже фазана, – какого зме... Какой знаменательный сюрприз!

– Случилось что? – благодушно осведомился посвятивший себя жарившемуся на углях мясу Коннер. – погоди, сейчас стакан чистый найду.

– Зачем? – Салиган неторопливо вышел на свет, огляделся и уселся на место Валме. – Мне и этот сойдет.

– Раймон, – Коко понизил голос, – это место дорогого Марселя...

– А сяду дешевый я. – Салиган потянулся и внезапно подмигнул Роберу. – А у вас тут вкусно!

– Значит, – Эрвин повернул блюдо недоеденной стороной к Салигану, – вы решили поужинать?

– И это тоже, но главным образом развлечься, дуксия такая предсказуемая. Рокэ, ты не против?

– Если тебе не лень.

– Мне? – возмутился дукс, приглаживая топорщившуюся куртку. – Да я всю жизнь как раб на галерах – веслом меньше, веслом больше!..

– Только, дорогой мой, – Коко водрузил нож на тарелку, – умоляю, щадите чувства герцога Надорэа. Поскольку этого никто не сделал, вас представляю я. Герцог Надорэа прежде носил титул графа Ларака, и у него такая нежная душа.

– Что вы? – смущенный Ларак торопливо встал. – Я... Конечно, маркиз, я рад вас видеть. Мы ведь прежде не встречались?

– Увы, – поклонился дукс, – там, где вращались вы, мне нечего было делать во всех смыслах этого слова. Коко подтвердит, что наследие Святого Алана утонченные натуры не прельщает.

– Искусство тех времен грубо и поверхностно, – барон быстро, но аккуратно сложил салфетку. – Прошу меня простить, я... должен освежить в памяти одну запись, она в моем багаже. Дорогой Рокэ, это касается затронутого вами предмета.

– Вот оно, воспитание, – Салиган проводил Капуль-Гизайля взглядом, – другой бы банально улизнул. А не выпить ли нам? Герцог, в смысле Надорэа, давайте я вас поздравлю!

– Благодарю... Но я никогда не вождедел этого титула, я отказывался, но регент! Он навязал мне то, что принадлежит другому. Я надеюсь, когда мальчик вернется, он получит...

– Мальчик, несомненно, получит, – поддержал дукс. – Если вернется, а если не вернется, то, значит, уже получил. Господа, которые в состоянии встать, а не осквернить ли нам храм? Тот самый, с надгробиями, которые совершенно не привлекают Коко.

– Почему нет? – Алва уже стоял. – Похоже, Марсель прав и мне не хватает дыр. Ро, ты пьян или с нами?

– Я пьян... Но я иду.

– Ну не прелесть ли? – Салиган залпом допил «Кровь» и налил еще. – За тех, кто идет, когда может сидеть. И за тех, кто чешется, когда блохи.

Глава 3

Талиг. Лаик

400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Ноха походит на Лаик, Багерлее походит на Лаик, Старая Барсина походит на Лаик... Лаик – мерило всему, ведь это юность, которая есть у всех, а у Ро, унара Робера, она была еще и счастливой. Дедовы наставления не помешали Эпинэ сойтись с однокорытниками. Они, тогдашние, ничего не делили, никому не завидовали, не разбирались, кто – «навозник», а кто – эорий, это пришло потом...

– Мне тут было хорошо, – признался Иноходец капитану «фульгатов», – но я ужасно хотел в Торку.

– Куда ж еще? – ничуть не удивился «закатный кот». Это он привез письмо Савиньяка и нашел графиню, а сейчас тащил фонарь, причем делал это залихватски. – Больше не хотите?

– Хочу! – чуть ли не крикнул Эпинэ. – Там все понятно, а я никакой не маршал! В лучшем случае полковник.

– Врешь ты все, – зашедший с другого бока Салиган подхватил Робера под руку. – Те, которые в лучшем случае полковники, держат себя исключительно за маршалов. Первых. Осторожно, тут ступенечка...

– Я помню, – засмеялся Иноходец, который на самом деле помнил и лестницу, и коридоры, и узкие высокие окна. – Сколько лет не вспоминал, а помню! Раймон, я рад, что мы на «ты»!

– Могилки сближают, хотя случается и наоборот. То есть вот-вот случится.

– Что случится?

– Валме собрался изящно помстить, – объяснил Салиган, поправляя встопорщившуюся куртку. – Мне понравилось, хотя обычно я за простоту. Взять тех же ворон, вроде и простенько, но смачно.

Воронье данариям шло замечательно, но вспоминать об оставшемся за метелью городе было, нет, не больно – не ко времени. Вечер при всей своей странности выдался добрым и слегка безумным, портить его не хотелось. Эпинэ слушал вполуха болтовню не прекращавшего войну со своей одежкой Салигана и не знал, как объяснить неряхе-дуксу, что они теперь больше, чем родня. И дело не в Марианне, не в спасенных беженцах и даже не в выстреле по щербатой нечисти, – просто, когда в Олларию вломился Шар Судеб, Салиган встал рядом. Они вместе уходили из дворца, бросали в водопад золото, хотели жить и готовились умирать... Сколько погибло, но они уцелели и теперь не должны потерять друг друга из-за какой-нибудь ерунды. Со смертью не поспоришь, дела есть дела, но ведь случаются и обиды на пустом месте, ошибки, непонимание и еще что-то непонятное, раздражающее близость. Ты не предаешь, не забываешь, пытаешься быть откровенным, поднимаешь стаканы, а дружба тает, как сахар в кипятке...

Откуда вынырнул черноволосый унар, Робер не заметил, но держать в Лаик мальчишек было несусветной глупостью, пусть данарии и обходят поместье стороной. Разве что парень, когда начались погромы, прибежал сюда в чем был. Слуги его пустили, дали одежду... И все равно хорошим это не кончится!

– Его нужно забрать, – шепнул Эпинэ Ворону, словно бы не замечавшему пристроившегося рядом паренька. – В Аконе он не пропадет.

– Если Рамон отдаст, берите.

– И не подумаю, – огрызнулся Салиган. – Я слишком долго страдал в одиночестве, никто меня не понимал, не встречал и не кусал. Наконец на меня шмякнулось что-то вроде искупления, и тут некоторые готовы меня лишить...

– Раймон, давай потом, – попросил ничего не понимающий Эпинэ. – Унар, ваше имя?

Парнишка обернулся на голос – он был одно лицо с Рокэ! Вот, значит, как...

– Вы похожи, – не выдержал Эпинэ. Шестнадцать лет назад Катари было немногим больше десяти. Шестнадцать лет назад к услугам Алвы был весь мир! – Как его зовут?

Унар за себя ответил сам, однако Робер не разобрал – в левый глаз плеснуло болотной зеленью. Иноходец вздрогнул, но это была всего-навсего свеча в старческой руке – монахи вернулись в родную обитель, им было куда возвращаться.

– Танкредианцы ушли из Нохи, – торопливо объяснил Робер, – ничего не смогли сделать и ушли, потому мы их и не встретили.

Человек со свечой медленно повернулся. Это был дед! В своем любимом колете, с короткой алисианской бородкой – он так ее и не сбрил. Старый герцог требовательно глядел в лицо последнему внуку, и Робер не выдержал.

– Вы ошибались, – отчетливо произнес он, пытаясь унять разгоняющееся сердце. – Я исправлю, что смогу, но говорить нам не о чем. Постараюсь вас не проклясть...

– Сейчас зарыдаю, – неожиданно шмыгнул носом убийца семьи, – увы, я, как всегда, без платочка. Одолжите и проклинайте, но я не отдам.

Дед смеялся, рядом ничего не понимал малыш с перевязанной рукой и какие-то унары со свечами, разглядеть их мешал хохочущий Повелитель Молний, внезапно метнувшийся наискосок гигантским, взлетающим из-под самых ног голубем. Что-то резко сдавило плечо, мигнул красноватым дверной проем; какой высокий порог, даже странно.

– Странно...

Ни деда, ни унаров, ни зеленых свечей! Кажется, холодно, кажется, тянет дымом. Рядом – Уилер, так вот кто его удержал! В нешироком проходе их четверо, впереди, за порогом, свет. Совершенно обычный.

– Осторожней.

Второй раз Робер не споткнулся. Полутемное помещение казалось на редкость уютным, а горящий в гнезде факел позволял рассмотреть каменный стол, деревянную унарскую скамейку, строгую статую с совой, еще одну дверь.

– Я собирался заглянуть сюда завтра, но на закате это как-то логичнее. – Алва запрокинул голову, разглядывая потолок. – Очень необычный Покой озарений.

– Левый вроде бы назвал его удивительно приятным, – заметил оказавшийся тут же Марсель. – Готов согласиться, хотя скамейка выпадает из общего стиля. Если я еще не говорил, то кардинал сюда лазил вместе с графиней Савиньяк, а та написала батюшке... Робер, что с вами?

– Ничего... Потом объясню.

– *Объяснишь* потом, – кивнул Алва, – а отдохнешь – сейчас. Садись. Когда придешь в себя, Уилер тебя проводит в галерею.

– Не нужно, – сейчас он немного посидит и вспомнит... вспомнит что-то важное. – Я подожду здесь.

– Я за ним пригляжу. – Салиган запахнул строптивую куртку и ловко оттер Уилера. – Я умею, так что кошунствуйте спокойно, не торопитесь.

– Спасибо, – хорошо, что Раймон остается, он поймет... – Я в самом деле сяду.

Приветственно скрипит скамья, рука нащупывает буквы на тыльной стороне спинки – чей-то вензель... Чья-то юность... Теплое дерево, прохладный гладкий камень, непроглядно-черный и при этом блестящий, как зеркало в ночи. Камень ловит отблески огня, обычное дело, а кажется – в глубине мечутся полужнакомые тени. Грациозно изгибается выдра,

ловит ветер хищная птица, взмывает в прыжке рогатый олень, трясет гривой одинокий конь. Олень. Конь. Снова черный олень в круге света. Багерлее, скованные руки, кровь... И сова. Откуда здесь сова?

2

– Диамнид... – Алва тронул рукой мрамор. – Он решил, что о нем будут знать только это. Что ж, быть по сему. Уилер!

– Монсеньор?

– Утром вернете плиту на место и обрушите лестницу.

– Будет сделано, – заверил «фульгат». – Ни одна сволочь не доберется.

– Именно, – рассеянно кивнул Алва, направляясь к следующему надгробию. – Итак, их было семеро, и они все испортили.

– Э, – не выдержал Марсель, – выходцы такого не говорили, и вообще, мы лезем или нет?

– Лезем? – глаза Ворона смеялись. – Ты часом не помнишь, кто за каждым завтраком требует от меня впредь обходиться без дыр?

– Это не дыра, – зашел с другой масти Валме, – это отверстие, причем рукотворное.

– Трижды, – уточнил Рокэ. – Одноглазый мальчик, о котором так беспокоится Арлетта, не мог бросить гробницу открытой. Времени у него было мало, но совесть и солдаты имелись... У кого здесь было первое, но нет ни второго, ни третьего?

– Ты ужасен! – прыснул Марсель. – Я, между прочим, от удивления чуть на зверя не сел.

– Рамон застиг тебя врасплох. Зачем вам вообще понадобилось кощунствовать? Веселее было сунуть эту радость во выюк к Лараку и ждать результатов.

– Салигану нужно вернуться, а барон ведет себя как свинья, – Марсель опять злился, правда, не на Алву. – Когда я сказал, что Марианна умерла, этот вдовец даже не прослезился. У него не душа, а... Рожа!

– И тебе хочется, чтоб она шмякнулась? Ничего не имею против, но почему я должен лезть в дыру?

– Не должен, но ты меня приставил к Лараку, это способствует помрачению. Хорошо, лезу я, не оставлять же...

– Ну нет! Теперь я тоже играю, – перебил Алва. – Уилер, в гробнице спрятано нечто, влекущее воров. Найдите и заберите.

– Сейчас. – Фульгат отцепил саблю и вытащил из кольца факел. Он не боялся ни мертвецов, ни выходцев, и ему доверял Савиньяк. Любопытно, сколько времени понадобится лучшему разведчику Северной армии и полезет ли он в гроб?

– Покойника не тревожьте, – посоветовал примеривающейся к лазу спине Ворон, и Уилер исчез.

– Зачем только мы к Премудрой ездили и каменюку поливали? – буркнул Марсель. – Ты и так сквозь стены зришь.

– Не зрю, – Рокэ для вящей убедительности тронул надгробие, – а вот ты навел меня на мысль.

– Не тревожить усопших?

– Это мне объяснили лет тридцать назад в Алвасете, но сейчас дело в тебе. Человек со вкусом, к тому же лично знавший господина Альдо, не станет без крайней необходимости копать в костях.

– Не стану, – подтвердил виконт и понял, что Ворон опять нашел лучшее решение – выбирающийся из гробницы Уилер был прекрасен в своем обалдении, которое и не пытался скрыть. При этом «закатный кот» умудрился вытащить сразу всё, насадив кубок на меч, а корону – на ручку факела. Мечущееся пламя играло с реликвиями в пятнашки – вспыхивали и тут же

гасли разноцветные искры, их отблески киркореллами скакали по белому мрамору и пропадали, словно прятались в видимые лишь им норки.

– В вазах оно было, – доложил Уилер. – Больше красть там нечего, только в гроб я все-таки глянул.

– Зря?

– Как сказать... Ворюга торопился, все в кучу сгреб. Что мог, я поправил, запер и ключ забрал.

– Савиньяка можно с вами поздравить. Марсель, прими кубок и корону. – Алва забрал у тут же отошедшего «фульгата» меч и знакомым движением несколько раз крутанул вокруг кисти. – Баланс просто отличный...

– Это все, что ты можешь сказать?

– Сейчас – да. Ненавижу смерть.

Лучше бы он крикнул, топнул ногой, поклялся кровью. Хотя хватит с него клятв... И смерти тоже хватит.

– Извини, – Марсель тронул бы кэналлийца за плечо, но в одной руке был кубок, а в другой – корона. – Мы с Салиганом не подумали – дураки... Особенно я с этой дырой!

– Ты? – Алва почти улыбнулся. – Дело не в тебе, просто вспомнилось. Меч, жезл, Левий... Мы ведь так толком и не поговорили.

3

– *Ваше высокопреосвященство, позвольте вас поблагодарить.*

– *Охотно, но за что?*

– *Вы не справляетесь о моем самочувствии, а ваш врач оставил меня в покое.*

– *Брат Анджело – лучший из известных мне врачей, его святейшество он тоже не донимал. Тем не менее рискну скатиться до пошлости и поинтересуюсь, не нужно ли вам чего-нибудь из того, что доступно кардиналам.*

– *Пришлите мне кошку.*

– *Пьетро, принеси Альбину.*

Почти неслышимые шаги, негромкий стук двери... Носить кошек – это тоже счастье, ходить, поднимать голову, не опасаясь свалиться без сознания, смотреть на собеседника не сквозь смешанную с кровью воду...

– *Вы не помните, его святейшество не жаловался на сгнившие цветы?*

– *Нет, но он велел вынести из своей спальни все вазы.*

– *Благодарю вас. Теперь моя очередь спрашивать, не нужно ли чего вам.*

– *Надеюсь, вы понимаете, что бескорыстных клириков не бывает? Разумеется, нужно. Я балуюсь астрологией, однако ваш гороскоп, как и гороскоп первого Рамиро, ставит меня в тупик. Вы уцелели, когда шансов у вас почти не было, но...*

– *Умираю, когда должен жить? Меня это тоже занимает. Кстати о смерти, я бы не хотел, чтобы у вас возникли неприятности с моими друзьями. Возьмите.*

– *Что это?*

– *Письмо Савиньяку.*

– *Я тронут, но если астрология не заблуждается уже на счет мой и графа, я вряд ли смогу передать Лионелю Савиньяку это письмо, а он – прочесть. Не знаю, обратили ли вы внимание, но на так называемом суде прозвучало, что Оноре назвал «щитом слабых» именно вас. Вы должны выжить, маршал, не знаю как, но должны... Хотите шадди?*

– *Если он перебьет запах гнили.*

– *Я положу в два раза больше специй...*

– *Эпинэ, хватит спать, у нас тут такая прелесть!*

– Я спал? – заморгал Робер. – Да, наверное... Это все еще Лаик?

– Она самая, – деловито подтвердил Салиган, – как тебе эти штучки?

Вот теперь Иноходец почти уверился, что спит. А что еще можно подумать, когда на черном каменном столе плюется алыми искрами корона, которую Рокслей с Мевеном вывезли в Эпинэ? Раймон фыркнул и опять запахнул куртку, на видение он никоим образом не походил, как и Рокэ с факелом. Эпинэ потер разнывшееся к снегопаду запястье и попытался сосредоточиться. Корона могла взяться только из Валмона, значит, она оттуда и взялась. Граф Бертрам совершенно справедливо решил, что регалии должны быть там же, где и король, вот и пошел на риск. Обошлось, то есть пока обошлось, до Кольца еще ехать и ехать...

– Надо было сразу отправить ее в Ноймар, – признал свою ошибку Робер, – то есть не сразу, а когда... я стал Проэмперадором.

– Папенька же вас уведомил, что больше, чем вы с Левием, сделали бы только трое, – напомнил Валме, – а сии куншты в Ноймар доставил бы разве что Арамона.

– До бунта мародеры крупные отряды пропускали, – не согласился Иноходец, – сейчас риск больше.

– Ординарные мародеры в данном случае были бессильны.

Молчат, улыбаются, смотрят хитро и чего-то ждут. Нашли когда и от кого!

– Знаете, на кого вы похожи? – развеселился Робер. – На закатных кошек, а я выпил, и вообще хватит с меня... мыслей и корон. Дайте мне полковничью перевязь и начальство, я буду воевать не хуже других.

– Эпинэ придется убить, – хмыкнул Салиган, – иначе сбегутся друзья Талига и примутся сажать беднягу на трон! Это же не король, а мечта любого прохиндея!

– Должны же они мечтать. Ро, ты примерял корону?

– Нет!

– Ну так примерь.

– Почему я?

– Так мы уже, – обрадовал дукс. – Лично мне жмет, а виконт понял, почему короли так любят казнить. Да ты сам попробуй.

– Лэйе Астропэ, нет!

– Надень, – коротко велел Алва, и Робер надел. Голове стало жестко, тяжело и неудобно, а ведь в этом приходилось сидеть часами и что-то отвечать, решать, соглашаться, отказывать... Что делать дальше, Эпинэ не представлял, а Ворон не говорил. Зачем-то Иноходец повернулся, будто на примерке, теперь перед глазами был стол с каким-то кубком и пресловутым мечом, а вот жезл Валмон не прислал. Хотя это для Альдо жезл был талигойской реликвией, для прочих он – дар Эрнани Святого Эсперадору, только эсператоров больше нет.

– Жезл надо вернуть, – Робер снял венец и аккуратно положил на черный камень. – Левий говорил про орден Славы, наверное, лучше им.

– Равнодушие к коронам всегда умиляет, но с оружием у тебя должно выйти лучше. Меч Раканов ты, надеюсь, в руках держал?

– Да. Для боя, для обычного боя, он не годится, но сталь хороша.

– А что скажешь теперь?

– Их почистили... И меч, и корону тоже, особенно камни. Марсель, у вашего отца замечательный ювелир.

– Папенька обожает, когда хвалят наших людей, но исключительно за дело. В данном случае их хвалить не за что.

– Да не понимает он намеков! – Салиган ухватил меч. – Мой дед мечтал, что я стану оруженосцем герцога. Я стал. Вот – герцог, вот оружие, и я его несу. Прошу!

Пальцы сами сомкнулись на лиловоглазой рукояти. Прошлый раз сию древность Робер трогал во дворце. Было пусто и как-то тревожно, он собирался ехать, но зачем-то завернул в малую тронную, долго смотрел на мертвое величие, потом все-таки взял.

– Лэе Астрапэ! – Выпавшие камни можно вставить, но баланс!

– Это другой меч, – шепнул дукс, – и корона тоже другая, с роями. Графиня Савиньяк совсем не умеет грабить могилки... О!

Негромкий свист поняли все – караульный предупреждал о гостях.

– Сейчас здесь будет очень весело, – пообещал Салиган, – ты только реликвию на столик верни и молчи.

– Хорошо, – с чистой совестью пообещал не расположенный к болтовне Иноходец, пристраивая «другой меч» рядом с короной. Раймон сунул руку за пазуху, негромко и хрипло пискнуло – в руке маркиза возмущенно извивалась кошка... Котенок. Салиган водрузил звенушку на стол, стащил куртку и набросил на регалии. Котенок пискнул еще раз, смешно разинув треугольный рот, и завладел образовавшейся кучей. Эпинэ еще успел задаться вопросом, почему у него такой длинный хвост, и тут в дверях окаменел барон.

4

Это осталось бы дивным, даже не окажись Коко бесчувственным репьем, но теперь это было еще и справедливо. Одни «справедливости» взрываются, другие таращатся на регентов, мучаясь сразу и неизвестностью, и подозрениями.

– Вы непредсказуемы! – Капуль-Гизайль все же победил столбняк и бросился на бастион. – Мало кто готов покинуть дружеский ужин ради не столь уж и впечатляющего некрополя! Милый Литенкетте сказал, что вы решили осмотреть нижний храм, однако я позволил себе усомниться. Каюсь, я заподозрил, что вы сочли общество герцога Надорэа чрезмерным и уединились в своих комнатах.

– Какая проза, – поморщился Алва. – А ведь в Лаик, случалось, исчезали по-настоящему. Впрочем, вас тоже есть в чем заподозрить, вы намекнули на что-то любопытное и сгнули.

– У меня возникли... сложности! Готти – дивное животное, но совершенно незыблемое. Я лишь сегодня понял, как спутник Лита становился быком, оставаясь при этом одновременно псом и Скалой, но я обижен...

Барон пытался ворковать – получался скулеж с взрыкиваниями. Салиган поочередно чистил рукава, Эпинэ с Алвой, видимо, все-таки слушали, юный подданный Леворукого дрых и, казалось, был здесь всегда. Коко догадался влезть в обысканную Арлеттой могилу, придет ли ему на ум согнать кота?

– Готти так долго пользовался моим гостеприимством, – жаловался Капуль-Гизайль лишь немногим хуже Бааты, – и что же? Он не пускает меня к моему же багажу! Конечно, там нет ничего ценного в банальном смысле этого слова. Я не рискнул взять с собой даже самый скромный презент графине Савиньяк, хоть это и вызов хорошему тону...

– Графиня вас поймет, – перебил Алва, – для нее, как и для нас, важнее ваши знания.

– Они принадлежат вам, но мне требуются мои записи, а Готти, он неумолим! Марсель, мой дорогой, объясните вашему льву, что он неправ, и мы воссоединимся за дружеским столом. Тема гальтарского искусства и его, если так можно выразиться, отблесков нами отнюдь не исчерпана, и она превосходно сочетается по крайней мере с двумя находящимися в нашем распоряжении десертами... Робер, вы так странно молчите, надеюсь, вы готовы к беседе о прекрасном?

– Если вы настаиваете.

– Будь я хозяином дома, я бы именно настаивал, но я всего лишь в гостях...

– Все мы, – зевнул Салиган, – будущие гости Леворукого. Кроме котов.

– Зато, – небрежно бросил Марсель, – всё, на чем лежал, лежит и когда-нибудь будет лежать кот, принадлежит сперва ему и лишь потом хозяину.

– Теперь понятно, почему у вас песик, – хмыкнул Салиган, – но это моя куртка, и она мне нужна!

– Раймон! – всплеснул крылышками барон, – вы завели животное? Какая неожиданность! Я просто в недоумении. Я еще мог бы представить рядом с вами алвасетского варана или йернского рогатого змеелова, но кот, зачем он вам?

– Поддался минутному порыву, – дукс ухватил спящего кота за шкурку и развернул мордочкой к себе, кот, само собой, заорал. – Это дитя не нужно даже собственной мамаше, не говоря уж о прочей родне, зато одинокому, никем не понятому дуксу в самый раз. Мы похожи уже сейчас, а когда Раймон заматереет, сходство станет очевидным даже твоим морискиллам.

– Вы дали зверьку свое имя?

– Только на хранение. Пока я – Жан-Поль, он будет Раймоном и Маркизом, а когда дуксию утопят в Данаре, станет Жан-Подем. Подержи-ка!

– Прости, но нет, – для убедительности барон отступил назад.

– Блох у меня не имеется, – заверил Салиган, накидывая куртку на плечи, – откуда им взяться у него? Э, да ты неважно выглядишь...

Дукс был тактичен, как посол, к тому же не кагетский – барон выглядел не просто «неважно», он выглядел кошмарно. Ноздри Коко раздувались, руки сжимались в кулаки. В свете факелов цвет лица не определишь, но Марсель почти не сомневался: лицо и шея вдовца побагровели. Шумно дыша, Капуль-Гизайль пожирал взглядом регалии, такие близкие и такие недоступные. Возмездие успешно вершилось, лучше бы вышло разве что с Рожей.

– Украл... – выдохнул Коко, – ты украл... Наушник, подонок, предатель, змея!

– Клевета, – Салиган дунул дрыгающемуся котенку в нос, – я не вор, не шпион, а дукс свободной Оллари, хотя и действую согласно иным обязательствам. Правда, я их на ваших глазах вернул, но что значит какая-то бумага...

Миг, когда барон бросился, залюбовавшийся дуксом Марсель позорно прозевал. В отличие от стоявшего вроде бы в стороне Ворона. Ухваченный за обе руки Капуль-Гизайль топорщился и пытался вырваться, но Рокэ мог запросто удержать Бонифация, бушующий Коко ему был на один зуб.

– Капуль, – светским тоном объявил Алва, – вы слишком чувствительны. Разумеется, Жан-Поль не крал животное, он его спас от прозябания в лаикской конюшне. Вот попытайтесь ваш друг присвоить, скажем, меч Раканов, его и впрямь пришлось бы признать вором и, невзирая на былые заслуги, предать суду. Мне, как регенту, это было бы неприятно, хотя мэтру Инголсу такой процесс доставил бы немалое удовольствие. Наш дорогой законник любит сложности, а похищение королевских регалий можно квалифицировать самым различным образом. От банального воровства, чреватого тюрьмой и полной конфискацией имущества, до оскорбления короны, кощунства и злоумышления на власть, а это уже Занха или, по военному времени, – казнь на месте. Вы успокоились, или вас еще подержать?

– Я спокоен, – мякнул барон, и Марселю захотелось дунуть несчастному в нос. Он бы и дунул, но офицер для особых поручений при особе регента обязан вести себя пристойно даже после Оллари и полудюжины кэналлийского. Чувства тем не менее требовали выхода, Валме поднатужился и нашелся.

– Жаль, что регалии обнаружили, когда мы уже побывали в столице, – виконт, как мог изящно, развел руками, – я бы показал их Валтазару. Поганец почувствовал бы себя обокраденным и принялся бы страдать.

– Да, оплакивать нематериальное он не способен, – подтвердил Алва, выпуская Капуль-Гизайля. – Удивительный парадокс! Бестелесный дух помещает всю свою привязанность в предметы, как ему кажется, искусства, а вы, Констанс, при всей любви к материальным сто-

ронам бытия превыше всего цените фантазии Иссерциала. Из этого можно вывести, что вы искупаете грехи Валтазара.

Барон нашел в себе силы улыбнуться, и Марсель нанес завершающий удар.

– Рокэ, – напомнил он, – нам с бароном пора на конюшню. Уже поздно, а мне еще убеждать Готти, что в багаже Коко нет, не было и не может быть ничего ценного.

Глава 4
Талиг. Лаик
Талиг. Акона
400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Салигану повезло – снегопад так и не прекратился. Утром даже самый дошлый хорь не поймет и не докажет, куда и с кем ездил дукс, хотя на отлучки Раймона вроде бы никто внимания не обращает. Ворюга-маркиз, дурак-казарон, пузатый щеголь... От того, над кем смеешься, удара не ждешь, какой удар от глупца и ничтожества?

– У вас все же очень выразительное лицо, – не пузатый и не завитой Валме ввалился без стука. – Я это заметил еще при первой встрече, то есть при первой нашей встрече в Олларии. В золотые юные годы я на вас особого внимания не обращал.

– Ну, я вас и вовсе забыл.

– Вам можно, вы жили такой насыщенной жизнью...

– Я жрал морковку, – засмеялся Робер. – И то за счет Эсперадора.

– Морковка, в отличие от розмарина, не способствует памяти. Не запирайте дверей и не выгонять гостей вас в Агарисе научили?

– Про засов я не подумал, да и к чему тут запирается? Вокруг свои.

– Рано или поздно вы меня вынудите прослезиться, – виконт уселся на внушительный, впору старшему Валмону, стул. – Я по поручению Рокэ. Соберано намерен вновь загнать нас в могильник. Желания загоняемых ничего не значат, равно как и усталость, но шадди сейчас принесут.

– Спать я точно не собирался. – Пусть куда хочет, туда и загоняет, лишь бы знал, что делать! – Мне бы после дороги и попойки свалиться, а я – хоть сейчас в седло. Коннер все-таки едет?

– Все едут.

– Меня тревожат эти кошачьи реликвии... То, что им место рядом с королем, понятно, но не маловат ли эскорт? Коннера отправляют в Варасту, этот рэй...

– Лагартас.

– Лагартас уже уехал, люди вашего отца – тоже, мы сразу за Кольцом сворачиваем к армии. У Эрвина остается дюжина солдат, даже не «фульгатов». Конечно, на военные отряды обычные мародеры не нападут, но можно ведь и на «бесноватых» нарваться.

– Можно, – согласился виконт, – а еще граф Литенкете может подавиться, поскользнуться, простудиться, упасть с лошади; впрочем, он уже падал... Но вот чего он не сможет, так это утратить королевское имущество, потому что оно как лежало у папеньки, так и лежит. То, что вы очень точно определили как кошачьи регалии – ведь на них спал кот, – в Старую Придду не едет. Как оно вам, кстати?

– Такой меч в ближнем бою просто находка, а вообще глупо вышло. Мы спокойно проехали пол-Талига, всех, кого нужно, встретили, без потерь выбрались из Олларии, и вдруг эта нелепая ссора! Вы хоть поняли, кто укусил Коко? Спутать короны немудрено, я сам спутал, но Раймон-то здесь при чем?

– Спаси вас великий Бакра, – Валме простер руки к двери, – ибо сами вы не спасетесь! Войдите.

– Как велено, без сахара, – деловитый «фульгат» втащил поднос, водрузил на стол и тут же ретировался. Эпинэ с удовольствием взял немалую кружку с королевским вензелем – из таких унары пили молоко и травяные отвары. Или не пили, а под рассуждения о винах и шадди выплескивали «детское питье» в камин или за окно.

– Вас смущает посуда? – Валме тоже вертел в руках лаикскую память. – Да, она предназначена для иных напитков, но военные в походе могут пренебречь условностями.

– Ничего меня не смущает, – Иноходец засмеялся и от души хлебнул подзабытой в степях горечи, – просто в Лаик шадди пили только менторы.

– Они пили не только шадди, – уточнил Марсель. – Так рассказать вам про находку? Это забавно и само по себе, и потому, что частично подорвет вашу веру в человечество, а частично – наоборот.

– Расскажите, – попросил Робер. Кто бы ни варил этот шадди, он умел это делать. – Только я не так уж и доверчив.

– Вы доверчивы, что вас никоим образом не портит. Впрочем, на сей раз в доверчивость впали все, кроме Салигана. Дукс насторожился, когда Коко с присущей ему изысканностью принялся выпроваживать своего дорогого друга из Лаик. Друг Раймон выпроводился, позволив другу Коко проводить себя до ворот, и, сделав круг по окрестным полям, вернулся, благо за время нашей прогулки успел спеться с «фульгатами». Первым делом маркиз, изучивший за годы... ну, пусть будет общего дела повадки барона, порылся в его поклаже. Меча Раканов в руках Салиган не держал, но корону на чужих головах видел, а спутать рой с рубинами для него то же, что для вас принять мориска за линарца. Раймон счел найденную в Лаик прелесть собственностью Талига и, посрамив демона корысти, вызвал меня.

– Найденную в Лаик? – Робер бездумно провел пальцем по краю кружки. – Откуда тут взяться таким вещам?

– Стащить их в другом месте барон просто не мог. Я знаю Констанса года четыре и готов поклясться: то, что кануло в этот омут, не всплывает. В дорогу, причем опасную, наш знаток прекрасного не взял бы ничего ценного, мало того, в пути он был на глазах не только Коннера с Литенкете, но и папенькиного камердинера. Поверьте, это страшно! Когда я впервые услышал, что Создатель видит все, – мне тогда было года три, – я решил, что речь идет о Дави. Нет, до Лаик барон ничего не находил, к тому же его мысли были заняты исключительно Рожей. Затем мы отправились в Олларию, Дави – в Валмон, и Коко остался без присмотра. Времени, чтобы облазить Лаик, ему хватило. Мы вернулись, и паршивец с порога принялся объяснять, сколь скучны эсператистские усыпальницы и огорчительны переделанные храмы. Меня сии откровения слегка насторожили, но для обысков я был слишком благостен, а вот Раймон не поленился и нашел-таки причину баронских стонов. Ну не святой же Танкред в самом деле сунул во выюки Коко эту гальтарщину!

– А почему нет? – внезапно развеселился Эпинэ. – Барон стремится к знаниям, святому он должен быть угоден.

– Танкреду угодны бескорыстно взыскующие. Коко похож на бескорыстного?

– Нет, – мотнул головой Иноходец, – но, если он нашел настоящие регалии, что хранится у вашего батюшки? А если настоящие – те, кто сделал эти? И зачем?

– У вас такой пыливый ум. – Валме приподнял кружку, как бокал. – Логика подсказывает, что подлинник лучше, дороже и старше подделки, но когда за дело берутся короли, логика может удавиться. Подлинные регалии те, с которыми разгуливает подлинный монарх, а подлинность монарха – вещь слишком деликатная, чтоб обсуждать ее под шадди. Такое дело касеры требует.

– Скорей тюрегвизе, – прыснул Эпинэ, припомнив, как Балинт объяснял, почему Карои – он, господарь Сакаци – Савиньяк, а замком распоряжаются Мекчеи. – Тот же Альберт – подлинный герцог, но алат – никакой...

– Совсем как регалия, – кивнул Валме. – Которая у папеньки.

Они пили шадди и смеялись, будто в грубые посуды со сплетенными «Ф» и «О» налили не шадди с корицей, а юность.

– Не важно, кто послал Коко корону, – наконец переиначил сентенцию мэтра Инголса Робер, – важно, кто послал ему Раймона.

– Это же очевидно! Тот, кто послал Раймону kota.

– А не Котика?

– Эпинэ, вы чудо! – Марсель аж вылез из-за стола и отвесил полноценный дипломатический поклон, чем вызвал у Робера новый приступ смеха. – Кстати, вам не кажется, что когда в небольшой компании кто-то на «ты», а кто-то – на «вы», возникает некоторая натянутость?

– Вы о чем?

– О том, что Рокэ и дукс Жан-Поль вам тыкают, а я все еще вежлив. Как вы думаете, что будет, если мы выпьем шадди на брудершафт?

– В нашей дружбе будет что-то морисское!

– Так и будет, – виконт снова уселся и приподнял кружку. – Чтоб оно звенело вечно...

– Чтоб звенело вечно! Я вам... тебе уже говорил. Ты сразу и капюшонная змея, и фазан, а я – лошадь, но бегать готов. Можешь на меня рассчитывать!

– Я не только могу, я рассчитываю, Валмоны на всех рассчитывают. Зачем делать самому то, что за тебя сделает кто-нибудь в каких-нибудь штанах, но тебя я буду по возможности предупреждать. Если это тебе не повредит, само собой, только сегодня рассчитывают на нас.

– Я готов.

– А вот я не очень, – Марсель понизил голос. – Только бы обошлось без Рожи! Я о маске, что висела у Коко на стенке.

– Она же не тут! Или Коко нашел еще одну?

– Нашел Лионель, но эта пакость последний раз вылезла ко мне из бакранского алтаря, а Рокэ как раз затеял гадать или что-то в этом роде. Тебе может даже понравиться.

– Мне?!

– Ты же не против, когда тебе показывают звезды, да и лошадей ты любишь.

– Люблю... – Еще бы забыть пятна плесени на готовых сойтись стенах! – Не знаю, что тебе сделала эта маска, но мне от пегих кобыл не по себе, даже от твоей. Так, говоришь, мы лезем в могильник?

– Не совсем. Помнишь стол, на котором спал кот? Рокэ думает, это что-то вроде колодца и пьедестальной лужи, а в них ты видишь звезды и огненного жеребца.

– Сегодня я ничего не видел.

– Бакраны свой алтарь поливают, а стол из похожего камня, может, тут тоже нужна вода. Слава поселилась в храме с пьедестальной лужей и не стала ее трогать, Франциск колодец тоже оставил как есть, а лаикский храм танкредианцы переделали. Будет обидно, если они все испортили, пожалуй, я даже пойму Коко.

– Марсель, а ведь на меня что-то у этого стола нашло... Нет, оно раньше началось! Мы сидели в галерее, явился Салиган, потом барону понадобились его записи...

– Ты все еще в это веришь?!

– Без них Коко не мог ответить Рокэ.

– Чего Коко действительно не мог, так это не проверить, цело ли то, что он уволок из усыпальницы.

– Погоди, – решил докопаться до сути Иноходец, – почему именно из усыпальницы? В Лаик прорва всяких закоулков.

– Потому что Коко эти самые усыпальницы ругал, и одна из них была вскрыта. Не бароном, раньше, но графиня Савиньяк из гроба взяла только шкатулку с бумагами. Разбойники, которые пытались здесь угнездиться, насвинячили бы по всему храму, да и сам покойник

весьма примечателен. Пока мне не докажут обратное, я буду считать, что Коко обокрал Диамнида.

– А туда-то их кто положил?

– Тот, у кого была привычка подбрасывать в гробы сувениры. На досуге можно подумать и об этом, но покончим с бароном. Обнаружив в конюшне Котика, наш друг успокоился – если волкодав не пускает его, Салигана не пустит и подавно. Коко вернулся в галерею, и вот неожиданность – мы оттуда ушли, причем именно в усыпальницу. Нас с Рокэ барон вряд ли опасался, однако с Раймона стало бы заметить, что в одну из гробниц недавно лазили, связать это со старым другом и заинтересоваться его поклажей. Констанс помчался в храм, думая уговорить меня забрать собаку, а остальных вернуть к столу. Не уговорил, зато в полной мере ощутил боль утраты.

– Не знаю... – Эпинэ заглянул в полную темного осадка кружку. – Коко заслужил хорошую взбучку, но вы его просто затрясли. Как коты мышонка.

– Оказалось, мы, все трое, злы из-за Марианны. Смерти не избежать, жизнь прекрасна, но вдовец вел себя как свинья.

– У него настоящая семья в Эпинэ, – объяснил Робер. – Жена, дети, последний родился этой осенью. Марианна барону помогала, и только. Сына он спас, этот флейтист... Марий – на самом деле сын барона от этой... кажется, Филиппы. Она думает, что замужем за управляющим Капуль-Гизайлей.

– Пусть думает что хочет, – Марсель положил руки на стол, пистолетов в них не было, но казалось, что виконт целится, – и живет тоже пусть, но Коко повезло. Увлекайся воришка чем-нибудь по нынешним временам бесполезным, он бы сейчас объяснялся с Диамнидом.

2

Мэллит отложила вышивку, и на нее тут же улегся кот. Его ухо было разорвано – утром именуемый Маршалом изгнал из сада черного Кардинала, чей дом был в хлебной лавке через две улицы. Имена талигойских зверей гоганни все еще удивляли, хотя память о прежней жизни исчезала. Так иссыхает разлитое и неподтертое, оставляя лишь смутные пятна, но как можно отдавать часть величия животному, пусть и любимому? Отец отца держал сторожащих припасы кошек, но разве посмел бы он назвать толстого Лимона Достославным, а наглого Огурца – Первородным? В Талиге запрещают немногое, а главные запреты носят внутри себя и называют совестью и честью, так проще для всех и тяжелее для избранных.

– Маршал, – гоганни коснулась мягкой шкуры, белой и черной, – Маршал...

Ей нравилось повторять это слово и вспоминать подобного Флоху, а коту нравилось, когда ему чешут лоб, но не всегда. Черно-белый приходил за своим и уходил, когда уставал от ласки; глядя на него, Мэллит понимала многое.

– Он же нитки когтями повыдирает, – вошедшая Сэль без почтения подняла мяукнувшего и забрала шитье. – Завтра опять будут гости. Полковница с сыном и братом.

– Нужно вымочить кур, – Мэллит поднялась, – и внести в тепло овощи.

– Ну нет, – Селина махнула рукой и засмеялась. – Если угощать настырных твоими курами, выйдет даже хуже, чем с Давенпортом. Не знаю, как у вас, а у нас, когда женихов много, их не прикармливают.

– Женихов? – не поняла гоганни. – Но разве можно жениться без родителей?

– Так делают редко, но делают, к тому же здешние кавалеры при родичах. В Аконе нет только моей мамы и баронессы Вейзель, без них обойтись еще можно, а без нашего согласия – никак, вот нас родня женихов и обхаживает. Понимаешь, мы очень выгодные невесты.

– Ты красива, – улыбнулась Мэллит, она видела красоту подруги, хотя даже самый короткий пояс невесты был бы ей велик.

– Мы обе – красавицы, – Сэль говорила о внешности, как о дожде и солнце, – но это важно мужчинам, а их мамам и теткам важней, что у нас очень высокие покровители и мы себя прилично ведем, особенно ты. Когда меня не убили, к нам повадились соседки, ты стала их кормить, они рассказали другим, а вкусно поесть люди очень любят.

– Мелхен гордится.

– И правильно. Тебе кто-нибудь нравится?

– Нет! Разве они могут...

Навязчивые и недогадливые, они не увидят в поясе невесты тень бывшего голода, не войдут в пустую ночь, не скажут, что радость мужчины рождается из счастья женщины. И не уйдут, ничего не обещая, ведь обещания – дети лжи.

– Маршал, – гоганни положила руку на спину кота и повторила: – Маршал...

– Надо промыть ему ухо, – подруга глядела озабоченно. – Мелхен, если не нужны женихи, прекрати их кормить и слушать чужих мам и теток. Я, когда меня ловят, начинаю рассказывать про Герарда. Еще лучше было бы про Монсенёра, но это неприлично, а про ее величество я говорить не могу, потому что плачу... Кажется, явились! У нас точно ничего нет?

– Только суп из маленьких капуст с сыром, – подтвердила Мэллит, – и жаркое из трех кур и утки. Я не ходила на рынок и не готовила нового. Твой брат сказал, его не будет три дня, а сейчас – второй из вечеров.

– Вот именно! – Подруга положила вышивку на комод. – Герарда не будет, а мы без него едим молочную овсяную кашу.

– Зачем?

– Чтобы не кормить женихов тремя курами, а молочную кашу мы кушали у госпожи Кредон. Помнишь, ты говорила, что люди похожи на еду? Госпожа Кредон похожа на позавчерашнюю кашу с вареньем, маме там было очень скверно... Ты поняла про кашу?

– Нет, ведь я не знаю, что за крупу и молоко выбирала госпожа Кредон. Молочный вкус можно улучшить, если...

– Мелхен, – когда Селина смеялась, гоганни начинала улыбаться, – молочный вкус улучшить можно, а противных женихов – нет. Даже семью травами и одной жужелицей, поэтому мы скажем, что у нас только каша. И еще мы торопимся дошить Герарду рубашки, ведь он уходит на войну, а на войне все рвется и пачкается.

– Это так, – тихо сказала Мэллит, вспоминая Франциск-Вельде и пошедшее на бинты чужое приданое. Селина, закусив губу, вздохнула, и они стали смотреть на кота и смотрели, пока черно-белый, предвещающий гостей, не прыгнул на пол и не встал, вытянув морду к двери.

– Войдите, – разрешила подруга пока невидимому, и дверь открылась.

– Барышни, – доложила Бренда, – к вам полковник, то есть герцог. Который Придд. Очень извиняются, но вы обе им позарез нужны.

– Конечно, – Сэль свела брови, – иначе бы он не пришел. Нужно накрыть на стол. Мелхен, четырех кур можно просто разогреть или они испортятся?

– Трех кур и утку, – поправила гоганни, ведь отец отца учил, что, называя блюдо неправильно, ты отбираешь шестнадцатую долю вкуса. – Нужно три раза снимать с огня. Первый раз, когда растает жир, второй, когда пойдет пар, и третий, когда соус вскипит. Тогда в него надо бросить...

– Барышня, – недалекая всплеснула руками, – я ж напутаю, вы бы сами!

– Нет, – негромко сказала подруга, – герцог Придд хочет видеть нас обеих, а ты разогрей суп и нарежь хлеб.

Погубить суп чрезмерным огнем просто, но Мэллит не стала спорить. Повелевающий Волнами приходит, когда случается важное, и слова его для двоих.

– Герард не знал ничего плохого, – мысли Селины были о том же. – Случись что, у него бы уши повисли.

Мэллит уже не удивлялась, когда о людях говорили, как о конях или собаках. Обычно, услышав такое, она улыбалась, но сейчас девушке стало страшно.

– Есть лишь один, о ком Валентин может говорить с нами обеими. Я не знаю твою мать, ты – Роскошную и сестру Первородного, а Герард не носит лиловый шарф.

– Придд знает Давенпорта, – Селина поправила скатерть и переставила вазу, – а мы обе водимся с выходцами.

– Да, – согласились губы Мэллит. Гоганни села и скрестила руки на коленях, как ее учили. Она не вправе даже заплакать, ведь ей ничего не обещали, только попросили шестую часть сердца, если оно найдется...

– Полковник, – возвестила снявшая фартук Бренда и поспешила вниз делать то, чего не умела.

– Прошу простить мое вторжение, – Придд поклонился, как во дворце, но в светлых глазах стояла война. – Я не успевал вас предупредить, мы выступаем в ночь.

– Зато вы успеете поесть! – Селина отодвинула ногой кота, тот оскорбился и возвысился, вспрыгнув на бюро. – Это быстро, особенно если мы с Мелхен пойдем, чего вы не будете. Вам ведь нужно приглашение? Садитесь.

– Благодарю, – первородный сел напротив комода, и Мэллит пожалела, что не убрала вышивку, ведь та не была безупречной. – Я в самом деле голоден, но сперва вы должны узнать о решении Проэмперадора Савиньяка. Во время его отсутствия, которое по ряду причин затягивается, заботиться о вашей безопасности буду я.

– Но вы уходите, – Селина свела брови, и Мэллит поняла, что подруга думает о неприятном.

– С вами остаются мои люди. Старший над ними знаком баронессе по Франциск-Вельде, это очень надежный человек.

– Он умел и силен, – припомнила гоганни. – Пусть нареченный Герхардом защищает командира, знамя или орудия.

– Баронесса Вейзель оценила бы ваши слова, но Герхард уже получил приказ. У Проэмперадора возникли определенные опасения на ваш счет, и я их полностью разделяю. Возможно, сударыня, вам будет проще переносить присутствие охраны, если вы поймете, что вы тоже своего рода знамя.

– Когда пришли злые, вы объяснили, что я должна видеть не раненых, а разделанных кур, которых надо натереть специями. – Подобный Флоху здоров, просто он узнал дурное и не хочет, чтоб оно вошло в этот дом! – Сейчас я должна видеть не себя, а знамя. Мне говорили, что враги хотят завладеть знаменами и унижить их, но кому нужны безобидные?

– Ты не поняла, – засмеялась Сэль. – Нам никто ничего не сделает, просто мужчины должны знать, что дома все в порядке, иначе они волнуются, а на войне это мешает. Ты не можешь приглядеть за Брендой? Будет обидно, если она все испортит.

– Я пригляжу, – заверила Мэллит, – я иду.

Она успевала – огонь еще не сейчас станет врагом того, что должен отогреть. Пища могла ждать, правда – нет. Сбежав до середины лестницы, девушка сбросила туфли и на цыпочках вернулась к двери, которую лишь прикрыла. Вернулась и услышала, как нареченный Валентином объясняет, что он намерен делать, если Проэмперадор не вернется вообще.

3

Вода, растекшись по каменному столу, добралась до ближайшего края, и по полу дробно, по-весеннему, забарабанило. Больше не происходило ничего, а что делать, и делать ли, Ворон не сказал. Робер оглянулся на дверь, за которой караулили Готти с Уилером, потом покосился на соучастников – Валме кривился, Салиган засыпал, с Рокэ, как всегда, было ничего не понять.

На всякий случай Эпинэ нащупал шрам на запястье – тот и не думал кровить, а на потолке не проступало ни ликов, ни складывавшихся в пегую клячу пятен. Созвездия в черном зеркале тоже не возникали.

Звук капли стал реже – лужа понемногу иссякала, она ни змея не помнила и ничему не могла научить.

– Вдумчиво, – зевнул Салиган, – но скучно. Надо что-то делать.

– Давайте, – оживился Иноходец. – Что?

– Залезем на или под стол, – предложил дукс. – Остальное опошлено, особенно – кровавые жертвы.

– Отчего же? – Алва все еще вглядывался в блестящую поверхность. – Принести в жертву барона при помощи найденного им же меча не худший ход. Для нового Иссерциала, когда он наконец появится. Рамон, где твой кот?

– Не надо! – Робер торопливо закатал рукав. – Лучше я...

– Хорошо, лезь!

– Лезть?

– На стол, – уточнил Салиган, – а ты что подумал?

– Что мы на черном столе в полночь примемся резать котов и баронов, – со смешком подсказал Алва. – Возможно, начертав что-нибудь древнее. Ро, неужели ты не слышал, как бергеры строят мост от пива с пирогами к витанию духа?

– Не доводилось. И как это делают?

– При помощи кошек. Бросают в снег, который затем собирают.

– Рокэ, вы... серьезно?

– Почему нет? – Алва провел рукой по вороной столешнице, будто лошадь погладил. – Дураки вечно путают величие с напыщенностью и вино с бутылкой, вспомни хотя бы судебную мистерию. Плести венки и шить халаты вместо того, чтоб разобраться в законах – несусветная глупость.

– А кошка в снегу? Разве нет?

– Это достаточно нелепо, чтобы оказаться не кожурой, а каштаном.

– Ну так давайте попробуем, – буркнул Валме, – и уберемся отсюда.

– Вы обнаглели, – отрезал Салиган. – Мало того, что по вашей милости я угробил с полдюжины свободных данариев и прогулял сегодняшнюю драку в дуксии, теперь вы покушаетесь на существо, которое обещает стать мне родным! Кот, будучи брошен в снег, оскорбится и уйдет в ночь. Навсегда. И не вздумайте брякнуть, что на конюшне таких хвостов дюжины! Мне нужен именно Раймон, а если мы с ним разминемся? Если я его при встрече не узнаю?

– Узнаешь, он будет мокрым. Марсель, Готти сможет без риска для собственного носа поймать в парке оскорбленного кота и вернуть живьем Рамону?

– Он постарается, – до странности молчаливый виконт размазывал пальцем ту же лужу, что и Алва. – Значит, вы ничего не увидели?

– Совершенно, – подтвердил дукс. – Рокэ, если не поможет кот, можно возлить на алтарь вчерашний суп. С алатским перцем, он и не такое проберет.

– Можно. – Болтал маркиз, но Алва смотрел на Валме, очень странно смотрел. – Мы ничего не видели, а ты?

– Ну что я мог видеть? – с отвращением спросил виконт. – Разумеется, Рожу, и она опять парила. Или витала.

Глава 5
Талиг. Мишорье
Талиг. Лаик
400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Снега в ближайшие дни Вальдес не обещал, и «фульгаты» в передней, позевывая, обсуждали, хорошо это или плохо.

– Повалит, – предполагал худшее Мишель, – потом подтает, и бегай от заячьей пехоты по раскисшим дорогам.

– Не скажи, – егоза Гвидо не видел светлой стороны только у смерти, – по дурной погоде Заль может из своей норы и не вылезти.

– А чем меньше уроды станут шляться по провинции, – подхватил Муха, – тем чище будет...

– Чище будет, когда выметем, а то выйдет, как у той мельничихи. Под столом – метено, а под кроватью сору на палец.

– А что ты у мельничихи под кроватью искал?

– Бруно, вестимо...

Теперь «закатные кошки» наперебой выясняли, как Гвидо оказался под кроватью. Точно так же в Торке веселились их предшественники, и вместе ними порол чушь капитан Лэкдеми. Тогда ему не было нужды думать, что лучше для корпуса, армии и Талига, хотя это-то лихой «фульгат» знал получше Сильвестра с Рудольфом. Маршал Савиньяк взгрустнул о былом всеведении и выглянул в прихожую.

– Того, что было под кроватью у мельничихи, не вернуть, – заметил он, – а вот бочонок с розанами спасти еще можно. Гвидо, Адольф, приказываю – отправиться в гости и ничего не посрамить.

– Будет исполнено! – пара счастливых мигом схватила плащи и исчезла. Их ждали, то есть не обязательно их. Война шпорит жизнь, как торопливый седок – чужую лошадь, а женщины веками отворяют тем, кто завтра уйдет и, скорее всего, навсегда.

Савиньяк закрыл дверь, прошелся из угла в угол, потом присел у стола, на котором Ротгер сотворил очередной безумный натюрморт. В громождении куч альмиранте был не одинок, Рокэ в юности считал лучшим способом ничего не терять – сваливать все, способное куда-то деться, в одно место, и это помогало. Алва с ходу находил нужные ему вещи, даже самые мелкие; после мятежа Борна он стал оставлять на виду лишь приманки. Сколько же дряни попало на якобы тайны, хотя Росио, даже рискуя по-крупному, до сих пор упорно ставит на лучшее. Ставит и выигрывает – с Джанисом, с Эпинэ, с адуанами и никому прежде не ведомыми бакранами...

Рудольф углядел в гаунаских догонялках перепев рывка в Кагету и ошибся, хотя в одном Савиньяк и впрямь повторил Ворона. Поставив на варвара Хайнриха и его слово. Без Сагранны Талиг с Гауна друг друга бы не поняли, без Рокэ Лионель смог бы разве что хватать медведя за штаны; без Рокэ и без того еще не пьяного разговора... Наутро спасителя Варасты и капитана королевской охраны ждала скучнейшая церемония, но они урвали-таки немного свободы. В придорожной гостинице, разогнав спать лишних. Труднее всего пришлось с Эмилем, но Ли как-то затолкал брата в кровать. По дому, само собой, болтались шпионы Сильвестра и Манрика, но генерал прошел к Первому маршалу по карнизу...

– Ты-то сам прикидывал, что делать с Адгемаром и его сворой? – полюбопытствовал Рокэ, откупоривая бутылку.

– До Бакриш я не додумался, – весело признался Лионель.

– Тебе вовремя не попались на глаза козлы.

– Ты куда лучше импровизируешь. До озера и Бакриш я бы не додумался, потому что сразу поставил на Адгемара. Очевидно, что казароны казару опротивели. Он просто не мог не искать способ избавиться от самых сильных, оставшись при этом непричастным... Мне до сих пор не верится, что ты поймал настоящего Эпинэ.

– Иноходца поймал Лис, но твоя ставка мне нравится. Давай дальше.

– Казароны – не алисианцы. Они как придорожники: полоть по одному бессмысленно, нужно выжигать заросли. Лис должен был под благовидным предлогом согнать ораву в одно место, перебить и найти виноватых. Волки, то есть барсы, у него имелись, собрать баранов труда не составляло, но вот замести следы... Нападение на Варасту и неизбежный отпор с нашей стороны давали нужное количество дыма. Особенно если устроить негласную просьбу Гайифы. Именно негласную.

– Очаровательно, особенно с учетом того, что творил Лис при Дараме, но какую палку ты бы сунул в это колесо?

– Я начинал в «фульгатах»...

– Бросок сквозь Сагранну? Это другие горы.

– Разумеется, но я видел один выход – раскрыть лисий замысел казаронам. Среди них не могло не найтись таких, кто предпочтет поверить, даже не поверив, – ведь это такой прекрасный повод стать казаром самому! Адгемару пришлось бы отбиваться, он бы вернул бириисцев в Кагету, а из недорезанных казаронов получились бы свидетели против казара и Гайифы.

– Ты съел слишком мало Торки и слишком много Оллариш...

– Должен же кто-то ее есть...

Оллария, Эйнрехт, Паона, Агарис велели быть умным, никому не верить, покупать и продавать. Лионель научился у них многому, только Великий Излом требует другого ума и другой жестокости, потому-то и пришлось брать с собой бергеров и алатов... Ли вытащил из кучи на столе алатскую перечницу в виде очень толстого волка, повертел в руках и водрузил перед зеркалом. Без попоек маршал мог обходиться долго, но нынешний вечер с удовольствием скоротал бы у витязей. Объявленная Лагаши «балинтова мешанка» жарилась и тушилась часа три, требуя возлияний после каждой закладки в котел, а таких закладок в самом скромном случае бывало не меньше дюжины. Увы, первый десяток здравниц был обязательным и именным. Сакацкий господарь, оказись он у котлов, поднимался, дай братец Леворукий памяти, если не на первом перце, то на тмине.

Предъявлять свою персону хоть бы и алатам Ли не собирался, позволить же пить за себя как за отсутствующего означало накликать на пьющих что-то скверное. Что именно, витязи точно не знали, потому и боялись, зато понятные угрозы их лишь бодрили, одно слово – варвары, непонятно откуда взявшиеся посреди Золотых Земель. Именно что непонятно! Это в Сагранне за каждой горой свои боги, свои обычаи, свой язык, с гальтарским никак не связанный, бывшая же Золотая Анаксия говорит если не на талиг, то на гайи, который, как бы ни бесились имперцы, не более чем старый провинциальный говор. Павлинам бы присвоить саймурское наследство, а они вцепились в Сервиллия, – впрочем, любые предки бессильны, когда мельчают потомки. Все величие Франциска не спасло Талиг от Алисы, хотя марагонца и его жалкого тезку разделяет меньше Круга. И ведь ничего страшного не творилось – Талиг жил по кодексу первого из Олларов, короли вешали свои портреты напротив изображений Франциска, унары повторяли Фабианову присягу, армия блюла заветы сперва Рамиро, потом

Алонсо. Повторяли и блюли, блюли и повторяли, незаметно теряя то главное, чем брали Франциск, Рамиро, Алонсо, Рене...

Эсператисты бормочут на гальтарском, не вдумываясь в слова, даже не зная перевода. Олларианцы и лаикские менторы бубнят на талиг, толку-то? Лионель с неожиданной злостью уставился на знакомые ворота. Здесь снег был, вернее, шел; чистая, ни единого следа, дорога упиралась в черные створки, превращая ночную Лаик в зачарованное поместье, из которого не выйти. Савиньяк, впрочем, собирался войти.

2

Рокэ с Эпинэ и Салиганом созерцали снежную кучу; Марселя и таки ухваченному Коти-ком коту было не до того – вымокший Раймон остервенело вылизывался, сухой виконт пытался думать. Ужасно хотелось что-то понять, увязать и вывалить на Алву, когда тот поднимет взор от белого, черного и мокрого. Рассчитывать на глаза не приходилось – злобный стол, показав виконту Рожа, занялся другими. Взятый им в оборот Эпинэ был сосредоточен и при этом столь счастлив, что Валме за него порадовался, тем паче других поводов для радости не наблюдалось. Салиган словно бы играл в карты и как раз готовился передергивать, а Рокэ просто замер, склонив голову к плечу. Похоже, он кого-то слушал, но все присутствующие молчали не хуже каменного Танкреда. Ладно, Алва еще мог замечаться, но дукс с примпердором, если б ничего не видели, так бы и сказали, а они тарасились в никуда.

Марсель зажмурился, просчитал до двадцати и открыл глаза. Место, откуда всплыла Рожа, теперь прикрывал снег, а вокруг ничего не клубилось и не витало. Робер во время разорения усыпальницы Франциска умудрился узреть на потолке похожую на Алву даму и какие-то пятна, но то ли изъятие из гроба регалий стол не возмутило, то ли он счел, что все началось с Арлетты, а графиня глянуть вверх не догадалась.

На всякий случай виконт сбегал к ограбленному Диамниду, ничего не обнаружил и вернулся, Алва со товарищи по-прежнему озарялись. Название храмовым прихожим эсператисты дали не с бухты-барахты, по крайней мере тем, что всунули в абвениатские храмы. По части захвата чужой собственности слуги Создателя изрядно смахивали на Та-Ракана и его приятелей, разве что «львы», спасибо Чезаре, вели себя по-людски. Валме еще разок прогулялся по некрополю и перечитал надписи, после чего присоединился к обществу. Снег потихоньку таял, вода собиралась в лужицы, подбираясь к трем парам рук и обещая скорую капель, но сама куча явно собиралась дожить до рассвета. Присев напротив ставшего еще счастливей Эпинэ, Марсель возложил ладони на холодную мокрую гадость, ощутил себя Раймоном, который кот, и даже тряхнул рукой, после чего задался вопросом: почему в подвале не холодно и не сыро, если протопленные комнаты наверху за ночь почти выстывают.

Доба папенька добился от архитектора и печников очень приличных результатов, но веками согреть зиму за счет ушедшего лета и смягчать летнюю жару запасенным холодом не вышло б и у них. Это наводило на мысли о величии забытых либо богов, либо зодчих. Древние секреты таки существовали, просто Та-Ракан искал не то.

Тихонько ругнув покойного за тупость, виконт покосился на сугроб, в котором таились реликвии – Рокэ обещал выждать, когда они полезут из кошачьего снега, и «что-нибудь попробовать». Легко сказать... Венец они уже примеряли, мечом махали, из кубка пили, причем всё, что нашлось, включая молоко. Конечно, великие силы могло задеть сопровождавшее процесс ржанье, но того же Адриана, если верить наслушавшемуся Левия Иноходцу, скорей бы оскорбило заискивание.

Клянчащих у богов то, что не выклянчивалось у властей и богатой родни, всегда хватало. Подкупавших, как подкупают чиновника или судью, тем более, но представить, как славный Бакра за корзинку грушаков пакостит хорошему человеку или помогает поганцу, Валме не мог.

К тому же создатели гор и волкодавов обладали не только отличным вкусом, но и немалой выдумкой, они бы не опустились до банальности, а значит, все, что творили бы, дорвавшись до реликвий, Альдо или Колинъяр, можно было исключить. Марсель исключил и остался недоволен уже собой, поскольку додумался лишь до употребления вещей по прямому назначению и розыгрышей. А что? Шутить умеют не только боги – шмякающуюся Рожу вполне мог срабोटать заскучавший над венцами и жезлами безобразник...

Отрывисто фыркнуло и сразу же захлопало... Талая вода добралась-таки до края стола и бросилась воссоединяться с лужей, образовавшейся после первого гадания. Сколько минуло, Марсель не знал, но всяко меньше часа, иначе б Уилер уже проверял, не пора ли вытянуть озаренное начальство рябиновой хворостиной. Капли падали все чаще, Алва тряхнул головой, отбрасывая назад волосы; похоже, ему показывали драку. Неисправимый Салиган, хоть и глядел в неведомое, почистил рукав, Эпинэ от чего-то обалдел, вылизавшийся наконец кот медленно пошел краем стола, принюхиваясь и то и дело встряхивая лапами, ему было можно, но ведь и Марселя никто к храму не привязал! Мысль провести Котика была внезапной, как озаренье, мало того, она им и оказалась, потому что поднявшийся виконт обнаружил пополнение. У входа в усыпальницу застыла стройная фигура. Знакомая!

Ли Савиньяк в последнее время только и делал, что объявлялся, где его не ждали, хотя как раз Алва мог и ждать. Марсель жестом указал на трех застольных истуканов, прижал палец к губам и торопливо перебрался к маршалу.

– Что Уилер тебя впустил, неудивительно, – шепнул он, – но как ты договорился с Котиком?

3

Имей Лионель возможность даже не сесть, рухнуть на унарскую скамейку, оттянуть ворот рубашки и прикрыть глаза, он бы рухнул и прикрыл. Всё! Он больше не один, то есть он один против Кадельской армии, но Талиг на нем больше не висит. Савиньяк воззрился на Алву, как Балинт на подоспевшего к Шарице Алонсо – большего этот мир пропавших звуков и уцелевших расстояний своим гостям не позволял. Затем приступ облегчения пошел на спад, и Ли принялся соображать, благо понять, что происходит, труда не составило. О бакранском гадании рассказал сам Рокэ, а про снег и кошек Ли слышал еще в Торке.

Мысль разговорить переживший монахов и недорослей камень была очевидной и при этом немислимой, то есть Рокэ в самый раз. Догадался бы он сам, Лионель не знал, может, при виде черного стола и догадался бы, только материнские рассказы на эту мысль его не сподвигли. Вот гробницу «Диамнида» он бы точно проверил.

Примеченное краем глаза движение заставило приглядеться к стоящему особняком высокому адуану, то есть к... Валме! Начавшиеся с приснопамятной дуэли похождения извлекли из разодетой по последней моде куколки нечто вроде летучей гончей. На радость Бертраму и, видимо, Талигу. Итак, чрезмерно «горячий» виконт вновь умудрился отыскать Алву, не потеряв при этом пса, если, конечно, компанию стерегущему храм Уилеру составлял знаменитый Готти. На всякий случай Савиньяк подошел к виконту и еще больше на всякий негромко окликнул. Само собой, его не услышали – Валме улыбался и что-то говорил в пустоту, он видел кого-то еще, Ли – нет. Улыбку сменила удивленная настороженность, сынок Бертрама поднял руку, явно желая чего-то коснуться. Безуспешно, но, судя по изначальной радости, то, что обнаружил виконт, не являлось ни опасным, ни неприятным. Для очистки совести маршал попытался дернуть наследника Валмонов за адуанско-кэналлийский хвост, ожидаемо не преуспел и позволил себе, наконец, подойти к столу.

На бакранский алтарь Рокэ любовался на пару с Окделлом, в сегодняшнюю затею регент втравил Эпинэ и Салигана, хотя с маркиза, как и с Валме, стало бы влезть в авантюру для

собственного удовольствия. Раймон, о котором Ли, к своему стыду, напрочь забыл, выглядел сосредоточенным, Рокэ – слегка удивленным, Иноходец – счастливым, все они что-то видели, и вряд ли одно и то же.

Мать всерьез тревожилась за Эпинэ, а он не только выжил, но и отнюдь не походил на доходягу, живущего на одном лишь «надо». Узнать бы, с чего Иноходец улыбается? Видит свою любовь? Если так, алтари врут, причем нагло. Или не врут, а берут то, что есть в каждом, и выворачивают, а люди принимаются толковать. Труссы – трусливо, безалаберные – безалаберно, несчастные... Тут может быть по-всякому.

Подошел Валме, с явной досадой уселся напротив Алвы – похоже, хотел что-то рассказать, но не решался прерывать ритуал. Отшлифованная века назад поверхность красиво играла бликами факелов, тающий снег, как мог, помогал огню. Черное и белое, ночь и день, к которым примешали не то пламя, не то закат... Пляска сполохов завораживала, но не до такой же степени, чтобы ничего другого не видеть!

Мигают факелы, в алом и черном мелькает серебро. Отражение снега? Нет! Светящееся пятно медленно всплывает кверху, его обтекают, становясь прозрачными, огни. Валме зевает, Салиган, не глядя, что-то смахивает с плеча, Эпинэ трогает запястье, Рокэ склоняет голову к плечу. Молчат все четверо, а камень тает, сливаясь со снегом или облаками, в которых упрямо парят несколько алых звезд.

Серебряное марево поднимается над столом, тянется к потолку колонной света, но не расплывается, хоть его ничто и не держит. Это красиво и тревожно – вырастающий из сторающей ночи день. Черное горит белым, черное тает и все равно сохраняет форму... Больше всего это похоже на пакостную шутку с книгами – кто-то вырезал дыру в форме стола, сквозь которую видна другая страница. На верхней – затопленный храм и четверка над... аркой, на нижней – что-то непонятное. Смерть? Дорога? Пустота? В бакранском алтаре Росио углядел Леворукого, Мэллит в живой аре видела своего подонка, а в мертвой – оскаленных каменных кошек. Ариго на Зимний Излом получил уходящего в облака всадника, Райнштайнер – горящие снега... Наверняка у всех было и что-то еще, только забылось.

Непонятное серебро наконец прорывается сквозь клубящиеся преграды. Оказывается, у него есть глаза, собственно, только глаза и есть. Черные, каменные, знакомые! Вдали что-то рокочет, пахнет прибитой пылью, как в начале летнего ливня. Пылью, дымом, пылью, кровью... Здесь, в лаикском подвале?! Но ведь призрачные прогулки крадут звуки и запахи. Давенпорт не слышал криков и грохота надорских камней, тебя в Оллари обошли вонь толпы и пороховая гарь, только *этот* дым ест глаза. Тебе – для прочих он всего лишь тени в алтаре. Бакранская старуха читает по таким будущее и прошлое, может, тоже попробовать? Одинокая птица, конь, кони... Падающее дерево, сердце или что-то вроде того. В день возвращения Рокэ из Сагранны на небе зажглось почти такое же.

– Росио! – бессмысленно, но вдруг? – Росио, узнаешь?

Не слышит, ты бы тоже не слышал, если б был там, с ними.

Как и когда Лионель понял, что может шагнуть в изменчивое нечто? Когда призрачное сердце разломилось, будто весенняя льдина? Когда на губах проступила полынная горечь? Когда Рокэ сощурился, а Салиган выпятил губу? Четверо были в Лаик, один – в Придде. Четверо ловили смутные отблески, один мог войти и рассмотреть, вот только возвращение представлялось не столь очевидным.

Не найдись Алва, Лионель бы повернулся и ушел. К лаикским воротам и дальше, в призрачные поля, и шагал бы, пока те не обернулись бы уютной комнаткой с зеркалом и захламленным столом. Не найдись Алва, маршал Савиньяк был бы обязан беречь себя до последнего...

Рука спокойно легла на рукоять кинжала – здесь оружие бесполезно, а на дымных дорогах? Если ветер пахнет кровью, значит, ее можно пролить! Отчего-то вспомнился святой

Адриан, то есть Чезаре Марикьяре. Отчего-то? Адриан исчез, просто исчез для оставшихся, ты тоже можешь исчезнуть.

При регенте Ноймаринене рисковать собой можно лишь в крайнем случае, при регенте Алва проэмператоры и маршалы, если дело того стóит, могут и умереть, хотя шаг в неизвестность еще не смерть. Нужно решать, причем быстро! Ты нужен здесь, тебя ждут. Ты должен знать, а те, кто ждет, должны жить!

Древний черный взгляд стал злей и безнадежней, туман рассыпался то ли снегом, то ли пеплом, в котором что-то еще светилось. Он может успеть, он должен успеть... Он успел.

Глава 6
Талиг. Акона
Талиг. Лаик
400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Летом «выехать под утро» означает встретить в начале дороги юное солнце, зимой свечи зажигают задолго до рассвета. Мэллит не могла знать, когда первородный Валентин поставит ногу в стремя, но сейчас полковник еще был в городе, и гоганни решилась прийти, спросить и сказать.

Девушка тепло и достойно оделась, повязала зеленую ленту из Франциск-Вельде и выглянула из своей комнаты – она не хотела лгать подруге, а объяснять пришлось бы слишком многое; это бы принесло боль обеим и украло время. За дверью стояла темная тишина, ее не нарушал даже кот, лишь внизу слышались приглушенные голоса. Мэллит мгновение помедлила и быстро спустилась к вновь охраняемой двери. Ей повезло – воин Герхард как раз наставлял ночного стража, чьи глаза были смышленными, а нос – кривым.

– Я должна видеть полковника Придда, – девушка задрала голову, ловя взгляд названного Герхардом. – Это важней важного и неотложней срочного.

Огромный не удивился, он много лет служил Повелевающим Волнами и привык к странному.

– Вашим ходом не меньше получаса, – предупредил он, – а ночь морозная.

– Я не устану, – заверила гоганни, – и не замерзну.

– Как скажете, барышня. Август, снимешь железяки, когда я тебе отвечу и открою замок ключом.

Герхард взял пистолеты и сам подал ничтожной плащ, лишь тогда страж Август отодвинул засов и снял крюк и цепь. Холод пах дымом множества печей, а прояснившееся небо радовало звездами. В Агарисе Мэллит не понимала зиму, здесь она полюбила серебро и тьму.

– Обопритесь на меня, под снегом может быть лед.

– Я благодарна.

Вдвоем они шли улицами, сперва тихими, затем полными воинской суеты. Лицо обжигал мороз, а сердце – два страха, и первый боялся второго. Если первородный Валентин скажет о неизбежном, боль опередит саму потерю. Разум призывал предпочесть надежду, но гоганни не повернула, хотя дважды была к этому близка.

– Монсеньор квартирует здесь, – сказал спутник и замолчал. Роскошная бы напонила, что у полковника Придда мало времени и очень много дел, но Мэллит это знала и так.

– Я скажу главное, – пообещала девушка, – и мы сразу уйдем.

Возле открытых ворот стояли лошади с поседевшими от инея мордами, и одна из них была бы под стать Герхарду. Мэллит вспомнила, как брат Селины хвалил маленького капрала, который ездит на большой серой как мышь кобыле и все замечает. Если остроглазого посылают с «лиловыми», поход будет нелегким. Нога Мэллит заскользила по скрытому льду, но не слишком, девушка бы не упала, даже не поддержи ее спутник. В Талиге боялись споткнуться перед важным, а для правнуков Кабиоховых, пошатнувшись, удержаться на ногах – лучшая из примет: не упавший на дороге устоит и на путях судеб.

– Барышня, – окликнул Герхард, – нам сюда.

Они обогнули две не до конца загруженные телеги, за которыми горели дающие свет костры и работали воины. Здесь каждый знал свое дело и занимался им, так было заведено и на отцовских кухнях, а нареченный Куртом говорил: когда есть порядок, двое сделают больше четверых. Это казалось верным, но как быть с тем, что можно сделать, лишь отказавшись от правил и забыв о лучших советах? Девушка думала об этом, когда из-за росших у крыльца кустов быстро вышел молодой кавалерист. Света хватало, и гоганни узнала теньента Арно. Младший из рода Савиньяк походил на брата, как трава походит на дерево, кот на леопарда и костер на пожар, его лицо будило сразу и память о счастье, и страх потери.

– Виконт! – офицер, крепкий, будто корень сельдерея, крикнул что-то странное про дорогу и перины. В ответ Арно махнул рукой и весело засмеялся, значит, весть, что привела сюда ничтожную, его миновала. Девушка как могла низко опустила капюшон, но радостный смотрел прямо перед собой и торопился.

– Сюда, сударыня, – повторил спутник, и они вошли в бурую дверь. Караульные даже не шевельнулись, но это не было небреженьем – первородный доверял большому Герхарду.

– Где? – коротко спросил великан, и ему ответили про хозяйскую гостиную и что-то еще: слова «падеборн» Мэллит пока не знала.

Полковник Придд сидел за столом и быстро писал; заслышав шаги, он сперва поднял голову, а затем, отложив перо, встал. Мэллит помнила, как нужно начинать разговор – следовало сказать «герцог, мое появление должно вас удивить, но я прошу о приватной беседе», однако первым заговорил первородный.

– Доброй ночи, баронесса, – хозяин не казался раздраженным, но он скрывал свои чувства, как вода – рыб и водоросли. – Полагаю, вас привело неотложное дело.

– Это так, – подтвердила Мэллит, и они поднялись в маленькую комнату на втором этаже.

– Садитесь, баронесса, – Валентин указал на одинокий стул, что стоял возле печи, и отошел к окну, – надеюсь, вы не слишком замерзли.

– Ваши зимы холодны, но красивы. У полковника Придда мало времени, и днем он сказал все, что считал нужным, а я хочу большего. Проэмперадор Савиньяк, когда покидал город, никому не поручал мою подругу и меня, почему он сделал это сейчас? В Аконе остаются другие воины, а вы уходите. Возле вашего дома стоит большая кобыла, на которой ездит лучший из разведчиков. Если он идет с вами, вам поручено важное.

– Вы правы, баронесса.

– Баронесса не станет спрашивать о вашей цели, она пришла за другим. Вы приняли поручение Проэмперадора, потому что намерены вернуться и исполнить. Проэмперадор поручил вам защитить подругу и... ничтожную. Так поступают, уходя туда, откуда не возвращаются, но нареченный Арно смеется. Первородный Валентин не хочет вливать прежде времени в сердце друга горечь, и он прав, только у ничтожной нет сердца, ее не нужно беречь!

– Не готов согласиться с двумя последними утверждениями, – Повелевающий Волнами отодвинул занавеску, и Мэллит увидела кувшин с ветвями рябины, – но вы пришли отнюдь не за моим мнением на ваш счет. Тем не менее я не могу не отдать должное вашему уму и наблюдательности. Вы угадали – наше положение изменилось. Проэмперадор был вынужден пересмотреть первоначальный план и отдать несколько новых распоряжений. Не стану лгать, он очень рискует, однако любой другой на его месте рисковал бы заметно больше. Вы помните герб Савиньяков?

– Ничтожная помнит.

– Олень пройдет там, где не сможет пройти лошадь. У Проэмперадора есть шанс сделать то, что требуется, возможно, даже сохранив значительную часть ушедших с ним людей. Известный вам адмирал Вальдес в этом походе – очень хороший помощник, как и алаты.

Окажись в подобном положении кто-то другой, я мог бы допустить, что поставленная цель будет достигнута, но с малыми шансами на возвращение. С маршалом Лионелем я почти уверен в успехе и очень надеюсь на благополучный исход лично для него.

2

Портрет семейства Савиньяк был невезуч до смешного. Лет двадцать назад Фердинанда потянуло на государственные дела, и он придумал Галерею Меча, повелев изобразить тогдашних военачальников, их жен и взрослых сыновей, «готовых обнажить оружие во славу Олларов и Талига». Указ вышел в начале лета, военным было не до позирования, и король решил начать с тех, до кого можно добраться. Нагрянувший в Сэ портретист усадил Эмиля у ног матери, а Лионелю, как наследнику, отвел место рядом с отцом, которого рассчитывал написать зимой. Братец от картинной повинности, как мог, увиливал, и Ли отдувался за двоих, но завершить работу в намеченный срок не удалось все равно. Сперва помешал Хайнрих, а затем друг за другом случились скандал в семействе Ариго и смерти маркиза Алвасете и герцогини Алва. Его величеству объяснили, что затею лучше отложить, и полотно с парочкой Лионелей – сидящим и стоящим – укатило в Олларию.

Вторично идея овладела Фердинандом через восемь лет и опять в разгар летней кампании. Теперь в армии было трое из четверых Савиньяков, однако новый художник выкрутился. Стоящего Лионеля он переделал в отца-маршала, а едва намеченная фигура за плечом ни на день не постаревшей графини стала капитаном Лэкдеми. Портретист не успел разве что прибавить лет сидящему «Эмилю» – помешал выстрел, как тогда думалось, Борна, а смерть Магдалы Эпинэ погрузила августейшего заказчика в тревожную печаль. Неоконченные картины вернулись в кладовые, где и пылились, пока варастийский и фельпский триумфы не вызвали у короля жажду деятельности. Фердинанд загорелся Кэналлийской Аркой, и тут не одобрявший излишних расходов Манрик напомнил о более чем наполовину оплаченной галерее. Его величество согласился повременить с аркой до взятия Паоны и лично распределил очищенные от пыли полотна между художниками. Доставшийся Савиньякам академик живописи оказался ленив и тактичен. Старить даму он не счел возможным, зато Эмиль превратился в успешного подрасти Арно. Прежний Лионель, слегка возмужав, обернулся Эмилем, а маршал Арно сменил перевязь на алую, сбросил добавленные предыдущим мастером годы и вновь стал Лионелем.

Галерею собирались открыть к возвращению Алвы. Не открыли. О многострадальном портрете Ли позабыл, а за него взялся уже четвертый живописец. Теперь со все еще молодой матерью остались лишь Эмиль с малышом, а задний план затянуло дымом. Подписи на полотне не имелось, но это ничего не значило – картина была явно не завершена, и не она одна – в торце мрачноватой сводчатой галереи красовался конный Фердинанд в сопровождении Леонарда Манрика на половине солового линарца, вообще-то принадлежавшего Катарине. Похоже, дорвавшийся до кансильерства тессорий велел заменить королеву на своего сына.

Шикнув на поднявшую голову злость, Лионель заставил себя рассмотреть шедевр как следует. Горело и здесь – художнику явно нравилось изображать дым, – но конские ноги попирали не уголья, а цветочки, причем одна из этих ног была лишней и серой в яблоках! Все, что осталось от замалеванного Грато, но не одинокой лошадиной ногой затоптать пожар! И не Рудольфу с соседнего полотна. Ноймаринены, соседствуя с королем, явственно намекали на резиденцию регента. Похоже, хитрый Фердинанд усыпил бдительность Манрика требованием вывезти портреты и под шумок улизнул, а выкинуть ящики из обоза временщики не успели! Какие уж тут картины, когда даже за очисткой Багерлее проследить не удосужились... Преемники Сильвестра, приберы их Арамона!

Савиньяк искал на ближайших полотнах Алву, не нашел, зато заметил молодую Алису со странно взрослыми дочерьми. Галерея начинала неприятно удивлять, и за одно это ее следовало пройти до конца, заодно отыскав дверь или хотя бы окно. Как он вообще здесь оказался, Лионель припомнить не мог, но это терпело.

3

В дверь постучали, и первородный Валентин, наклонив в знак извинения голову, велел:

– Войдите!

– Господин полковник, – из-за печи неуместного было не разглядеть, – вас ищет генерал Ариго.

– Благодарю, корнет. Оставьте нас и распорядитесь о лошадях. Баронесса, у меня остается всего несколько минут; я должен успеть сказать вам три вещи. На войне, я называю то, что сейчас происходит, войной, поскольку не могу найти более подходящего слова, безопасных мест нет. Мы в силах заступить дорогу китовникам и данариям, но не можем угадать, кто из находящихся рядом с нами проявит свою омерзительную сущность и когда он это делает. Подозревать всех крайне неприятно, однако подозрительность можно и нужно заменить осторожностью и вниманием. Вы только что доказали свою наблюдательность и умение делать выводы, это ваше умение станет отличным дополнением к солдатским палахам.

– Я поняла. – Она вернется и пришьет к плащу и широкой домашней юбке петли для колотушки. – Пусть названный Герхардом покажет мне, как ударить кинжалом.

– Лишним это не будет, но лучше врагов столь близко не подпускать. Второе, о чем вам следует знать, это то, что вашей подруге грозит серьезная опасность. О ней вам должен был рассказать Герхард, однако нам с вами довелось встретиться наедине, чему я искренне рад.

Весьма вероятно, что у Селины появились два сильных и упорных врага. Они сочли, что ваша подруга стоит на их пути, и вряд ли поверят, что это не так. Не думаю, что они повторят то, что сделала известная вам девица, но вполне допускаю яд, а это много опаснее. Я бы просил вас не покупать ничего у якобы случайно оказавшихся возле вашего дома торговцев и отказаться от услуг поставщиков. Честные люди часто оказываются невнимательными, а подменить товар довольно просто. Закупками лучше предоставить заниматься Герхарду.

– Я согласна с главным, но меня тревожит малое. Сможет ли воин выбрать достойное, ведь мясо и овощи... Ничтожная молит не оскорбляться, но дурное мясо не станет достойным жарким, как дурной капитан не станет достойным полковником.

– Вы правы, баронесса. На рынок вас будут сопровождать, но этого мало. Вам придется вести себя так, чтобы никто не мог предугадать, за чем и когда вы придете в следующий раз. Об излишне навязчивых гостях позаботится Герхард, который станет вашим управляющим. Если он решит заменить слуг, их придется заменить.

– Да будет так, – согласилась Мэллит. – Я не стану спрашивать о ненавидящих, если бы их можно было назвать, первородный это бы сделал.

– Вами нельзя не восхищаться. И последнее, о чем я считаю нужным сказать. Я никому не позволю распоряжаться вашей с Селиной судьбой. Возможно, кому-то из вас попробуют хитростью или силой навязать нежелательное замужество, в этом случае Герхард вывезет вас в Альт-Вельдер, а я, если потребуется, объявлю о своей помолвке или тайной женитьбе.

– Полковник Придд – герцог, а мы...

– Вас поручил моим заботам маршал Савиньяк, спасший счастье моей сестры и дорогого мне человека. То, что он спасает Талиг, очевидно уже год. Я бы сделал все, чтобы исполнить просьбу Проэмперадора, даже не будь того, что нас с вами связывает.

– Оно есть! – Как ничтожная позабыла о том, что и она не бессильна? Добрый Дювье отдал ей звезду, словно упавшую с зимнего неба! Теперь гоганни знала, что это адрианова

эспера и она хранит от многого. – Первородный получил приказ Проэмперадора, он будет докладывать об исполнении?

– Именно это я и делал, когда появились вы.

– Приложите к докладу звезду из серебра. – Сколь умны были те, кто придумал стягивать зимние платья лентой у горла! Мэллит торопливо развязала ворот, доставая память о добре и надежду. – Если б ничтожная могла вновь стать Щитом, она бы им стала! Мне сказали – эта вещь может спасти, ведь ее создал ставший святым воин.

Зимняя искра падает в мужскую ладонь, и сердце летит вниз, будто на качелях. Боль в груди, стук копыт, запах дыма и полыни, но в этой комнате пахнет иными травами.

– Это в самом деле адрианова эспера, сударыня. Ей нет цены.

– Она поможет?

– В некоторых случаях – вне всякого сомнения. Вы не желаете написать маршалу Савиньяку лично?

– Я должна вернуться к подруге и выслушать наставления Герхарда, а полковника Придда ждет генерал.

– В таком случае напишу я. Баронесса, к моему глубокому сожалению, мне придется вас покинуть. – Полковник улыбнулся, и Мэллит не смогла вспомнить, видела ли она эту улыбку раньше. – Вам не приходило в голову, как мы похожи? И вы, и я часто говорим так, что другие чувствуют себя с нами странно, но вы хотя бы гоганни, а я стал таким среди своих.

– Ничтожная Мэллит в доме отца отца своего молчала и читала, только об этом никто не знал, ведь Кубьерта для женщин запретна.

– Значит, наше сходство еще глубже. Когда в Старой Придде я передал вам слова, сказанные моему брату герцогом Алва, я хотел вам помочь, но не надеялся, что мне это удастся. Теперь вы хотите жить, не желаете лжи, даже утешительной, и тревожитесь за других. Я обещаю не скрывать от вас правду, даже если она будет несправедливой и страшной, а вы обещайте не верить черным вестям, пока не получите от меня подтверждения.

– Я обещаю, – давая зарок, смотрят в ару, но что делать, когда ара мертва? Гоганни подняла голову и поймала взгляд первородного. – Черные вести, что придут без разрешения полковника Придда, будут изгнаны, как дворовые псы с кухонь и «гуси» из Франциск-Вельде, а черные вести о полковнике Придде не смогут войти.

4

Неживой яркий свет подчеркивает нарисованные пожары, а пожары за спиной, если ты не бежишь и не прокопчен, придают значительности, даже если поджигают и тушат другие. Они были значительны – одинаковые Окделлы на одинаковых белых линарцах, чуть ли не рота Рокслеев, Пьер-Луи с чужими сыновьями, Анри-Гийом с детьми и внуками, Борны, но эти подожгли на самом деле, как и горячащий могучего жеребца черный всадник. Сильвестр верхом?! Не только, еще и Штанцлер!

Кансилльер в золотом с горностаевой оторочкой одеянии вздымал на дыбы роскошного зильбера, дальше тянулось нечто многофигурное. Ли было решил, что перед ним Совет Лучших Людей, а оно оказалось дотошно выписанной дракой. Совершенно чужой. Незнакомые, но, несомненно, государственные мужи в богатых одеяниях друг друга тузили, пихали, пинали, дергали за волосы, парики и воротники. Чайками парили бумажные листы, летели чернильные брызги, валились песочные часы и вазы. Некто лохматый вцепился в усатого, тот ухватился за картину с чьим-то триумфом, картина покосилась, обещая покарать обидчиков. Статуя в соседней нише уже покарала – из-под белых осколков виднелась неловко вывернутая нога без башмака, а на переднем плане взлетал огромный башмак без ноги, запущенный кем-то невидимым в полного господина с перекошенной мордой, едва не принятого Савиньяком

за покойного Фердинанда. Идущую в бой простоволосую ведьму со скрюченными пальцами принять за Катарину было немыслимо, но она точно кого-то напоминала, как и пара набывшихся клириков – эти, похоже, собрались в прямом смысле бодаться. Лионель усмехнулся и быстро пошел вперед, изредка поглядывая на становящуюся все омерзительней живопись. Это не было Старым Арсеналом, это не было Старой Приддой, этого не могло быть нигде, но было, висело, блестело золочеными рамами. Тщательно выписанные двуногие подглядывали в замочные скважины, пинали щенков, крушили монументы, воздевали указующие персты, что-то подписывали, кого-то, с позволения сказать, любили... Окажись здесь герцогиня Колиньяр, она застряла бы у такой «любви» надолго, разумеется, если бы разгуливала в одиночестве.

Поворот, уже третий по счету, – похоже, галерея опоясывает немалое здание. В Старом Арсенале лишь одна глухая стена, а здесь по-прежнему ни дверей, ни окон, только светильники с потолка свисают. Сапоги стучат по черно-белым мозаикам, если поблизости кто-то есть, он уже услышал или вот-вот услышит, и пусть его. Идем дальше, к чему-то затянутому холстом; из-под серой тряпки выглядывает нечто вроде корня, щупальца или змеиного хвоста. Победитель Дракона, скорее всего. Хвост поверженного чудовища, как мог, мстил художникам и скульпторам, не влезая в щиты и гербовые медальоны. Проще всего было его подвернуть, но преемники Франциска, профукав главное, цеплялись за ерунду, а мараговец поместил на герб прямохвостого дракона, к тому же здоровенного. Победитель был куда меньше.

Первый Оллар исходил из того, что затоптать ящерицу дело нехитрое, а законы геральдики для короля были не важнее других им отброшенных правил. Не отучи эсператисты к тому времени художников рисовать, герб нового Талига вышел бы просто замечательным, а так королевство осталось со словно бы намалеванным малолеткой человечком и длиннющим вараном. Чтобы обозвать его лягушкой, нужно было родиться дриком.

Лебедю услышать про себя «гусь» наверняка обидно, но обругать его курицей может только осел. Надо будет подкинуть матери историю про осла, собравшегося кого-то оскорбить, кого именно, пусть выбирает сама, ослов вокруг хватает, ослиной ярости тем паче... Почему-то вспомнилась Фрида, и маршал еще прибавил шагу, стараясь не замечать заполонивших стены картин, но яркие краски били по глазам. Когда до занавешенного герба осталось всего ничего, Лионель понял, что был несправедлив к мазилам пока еще прошлого Круга. Бездарность и безграмотность, если мастер изображает мерзости, сродни отсутствию зубов у ядовитой твари: и хочет отравить, а не выходит, разве кто сдуру облизнет.

Галерея словно в насмешку предъявила похабный натюрморт и кончилась: занавешенное нечто оказалось ближе, чем думалось минуту назад, и предвещало сюрприз, а именно поворот. В коротеньком отнорке за углом красовался забравшийся в ельник Фридрих. Покойный принц в отороченном мехом плаще и большой круглой шапке, из-под которой выбивались потемневшие кудри, сидел на пне, печально созерцая падающий снег. Он сторожил тупик.

– Вы изменились, – сказал Лионель дрику и тем, кто мог слышать. Странные картины, галерея без дверей, в которую он как-то угодил, полное отсутствие удивления и страха указывали на бред или сон. Правда, умение удивляться, не верить и помнить отбирают еще и выходцы... На всякий случай Савиньяк позвал по имени тех, с кем уже имел дело.

– Капитан Зоя Гастаки, капитан Арамона, вы здесь?

Молчание, а кудлатую Гизеллу упокоили окончательно – в этом не сомневались ни Уилер, ни сам Лионель. На всякий случай маршал по очереди тронул стену, пол и картину – пальцы ощутили прохладную штукатурку, камень и холст, пройти сквозь которые возможным не представлялось, и уж тем более не получалось влезть в гости к Неистовому. Полуплачущий Фридрих! Подобное не выдумать, значит, оно пришло извне, некоторым снам это свойственно, Росио снилось и не такое.

Неистовый отвлекал, и Савиньяк пожалел об отсутствии угля или мела. Сперва из лихого унарского желания прималевать его высочеству усы, потом для проверки мелькнувшей

догадки. Рисовать, однако, было нечем, и маршал решил заняться хотя бы хвостом. Отвести сухую запыленную ткань труда не составило, в приличном кошмаре за ней бы обнаружился покойник, выходец, закатная тварь, пегая кляча, наконец, но маршала ждала ниша с камином, перед которым валялся разбитый дракон, кажется, гипсовый. Рядом белели куски победителя – туловище, уткнувшаяся в стену одноухая голова, обломок руки, какое-то вовсе непонятное крошево, проткнутое оскаленной конской мордой. Еще одна лошадиная башка словно бы кусала щербатое щупальце... Отделить Зверя Раканов от Победителя Дракона теперь не смог бы даже Коко.

5

Повелевающий Волнами торопился, и все же он проводил ничтожную до ворот. Коней стало больше, но полковник смотрел не на них.

– Капрал Кроунер, – громко сказал он, подзывая маленького и веселого, – дочь генерала Вейзеля много слышала о вас и о вашей лошади.

– Да, – подтвердила Мэллит, вспоминая нареченного Куртом, Роскошную и то, как они говорили. – Пожалуйста, пересчитайте «гусей» как можно лучше. Мы должны знать, сколько будет нужно пороха, чтобы их хорошенько зажарить.

– Сочтем! – Кроунер улыбался, как улыбаются счастливые. – Мы с Бабочкой всю их подлую дис-по-зи-ци-ю рас-шиф-руем.

– Видите, баронесса, – полковник Придд наклонил голову, – все будет хорошо. Герхард, можете подойти. Надобность в разговоре, который вы должны были завтра провести, отпала.

Обратная дорога показалась короткой, как взятая сном ночь. Герхард, повернув два раза ключ, что-то быстро сказал, из-за двери ему ответили, и лишь после этого звякнула цепь. Так осторожно мог бы открыть кот, но это был названный Августом. Девушка поблагодарила воинов и поднялась наверх, думая пройти к себе, однако в гостиной горели свечи, там лежал Маршал и сидела Селина.

– Он вернется, – сказала подруга, – он должен вернуться.

– Я ходила к первородному Валентину, – сказала правду и солгала Мэллит. – Я отдала звезду, которую мне дал воин Дювье.

– Значит, я опять напутала, – Селина улыбалась, но ее глаза прятались в слезах. – Они оба вернутся.

– Да! – Как могла недостойная забыть долг и добро?! Повелевающий Волнами тоже должен вернуться! Его слова были о Проэмператоре, но разве он сам не идет туда, где других ждет неудача? Разве подобный капитану Уилеру отдаст смешного, но мудрого разведчика просто так?! – Мэллит поправила скатерть и переставила вазу с ветвями и ягодами.

– Ты расскажешь мне, как увидела Проэмператора и полковника Придда первый раз?

– А разве я не говорила? – Селина провела пальцем по столу. – Чисто... А во дворце пыль садится даже в дождь.

– Ты говорила, когда и где, – признала гоганни, – но не сказала, что видели твои глаза и чувствовало сердце. Можно прочесть надпись «корица», а можно вдохнуть ее аромат.

– Ее величество любила запах корицы... – вспомнила Селина и замолчала. Если б Мэллит спросили о первородном Робере, ничтожная тоже бы искала слова. – Я их обоих, Монсеньора и Валентина, увидела в Олларии, когда нас взяли во дворец, только ничего толком не поняла. Очень трудно понять, когда вокруг много людей и все ведут себя по этикету. Мама Валентина была в свите ее величества, но к ней никто не приходил, только один раз герцог Придд, то есть старый герцог Придд. Может быть, я напридумывала, только, по-моему, он хотел, чтобы герцогиня уехала, а она отказалась. Тогда еще ничего плохого не случилось, но страшно уже было. Не всем, конечно, но ее величество боялась, потому что вместо Монсеньора королевскую

охрану возглавил сын графа Манрика. Он был скверным и глупым человеком, Айрис однажды пришлось дать ему пощечину. Потом старый Манрик заставил короля сделать этого Леонарда маршалом и отправить усмирять Эпинэ.

– Эпинэ? – растерялась Мэллит. – Блистательного Робера?

– Провинцию. Она тоже Эпинэ, хотя восстание в самом деле поднял герцог Робер. Он не хотел, просто так вышло из-за Колинъяров с Манриками, а потом еще и Таракан влез. – Селина замолчала, и Мэллит поняла: подруга вспомнила о глупости недостойной.

– Первородный Альдо принес много бед, – поспешно сказала гоганни. – Мне совсем не жаль его.

– Я тоже думаю, что жалеть о дурных людях неправильно, хотя нас все время этому учат. – Селина не знала про нареченную Габриэлой, но говорила словно бы о ней. – Если скверный человек умрет или хотя бы ногу сломает, он ничего больше не натворит.

– Это так, – жаль, зло не всегда умирает вместе с причинившим его! – Ты говорила о Проэмперадоре Лионеле.

– Монсеньора Лионеля очень быстро отправили на войну, и ее величество сказала, что мы остаемся одни. Это жутко, когда ты один не в лесу и не в Багерлее, а во дворце. Дениза рассказывала, что в старину выходцы уводили целые деревни... Бывало, в такую деревню заезжали живые люди, ложились спать, и тут в дом набивались выходцы. Со мной так и получилось – у ее величества было много дам, они улыбались, говорили приятные вещи, а я боялась. Когда все нехорошее уже случилось, стало лучше, а Монсеньора я снова увидела в горах и растерялась... Я как-то не подумала, что он похож на маску, которую мы с мамой забрали из сокровищницы.

– Проэмперадор подобен Огнеглазому Флоху.

– Кому? Ах, да... Ну так и должно быть, он же из Дома Молнии! Мэлхен, вот увидишь, он вернется.

– Я обещала полковнику Придду... Обещала не верить дурному, пока он не подтвердит.

– Мы не будем верить, даже если подтвердит, – подруга вздохнула и подняла кота. – Папенька увел Зою, потому что ей тут было плохо, но почти все можно сделать наоборот. Если можно увести туда, можно вывести и оттуда, только надо понять как. Ты забыла вынести натертых кур на холод.

– Ничтожная забыла, – согласились губы Мэллит, но шрам на груди помнил многое и ответил болью.

Глава 7

Талиг. Лаик

Талиг. Старая Придда

400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Возвращаться по собственным следам почти всегда тошно, а Лионель вдобавок заставлял себя всматриваться в сцены, навевающие мысли о благотворности если не светопредставления, то хотя бы морисских визитов. На первый взгляд картины не изменились, по крайней мере те, что бросались в глаза по пути к загадочному хвосту, приятней не стали. Могли ли они стать гаже, сказать было трудно, но на памяти Ли одни всегда находили куда падать, а другие – куда взлетать. На здешних полотнах красовались исключительно первые.

– Налицо некоторая односторонность, – пробормотал вслух Савиньяк возле очередной драки, – останься в мире только ызарги, на чьих трупах они бы стали кишеть?

Ответа Ли, само собой, не ждал, а он пришел, правда, на другой вопрос, незаданный. Имени для того, что случилось с госпожой Арамона, Эпинэ и удачливым Ульбрихом, о котором вспомнил маркграф, маршал не знал, но стены потихоньку начинали сближаться. Галерея не была ни сном, ни кошмаром, зато вполне могла оказаться чем-то вроде смерти.

Савиньяк остановился, взгляделся в мозаичный пол и прикрыл глаза, вспоминая разговоры в Агмштадте и Гаунау. Маршал мог гордиться: его уводили, если уводили, на особый манер. Другие метались среди складов и бесконечных, похожих на монастырские, стен, на бугристой штукатурке проступала плесень, серое небо обещало дождь, под ногами чавкала раскисшая земля. Даже у Рокэ, хотя ему Ноха именно снилась, так что сбрасывать со счетов сны все же не приходится.

Эпинэ, судя по всему, вытащил Алва, и очень похоже, что через ару. Как выбрался удачливый Ульбрих, песня умалчивала, а госпожу Арамона удалось отбить с помощью то ли крови, то ли солнца, текущей воды и костяного дерева. Солнца здесь нет, но кровь с нами всегда! Глаза Лионель открыл так быстро, как только мог, но никакого движения не заметил, правда, стены успели сожрать два ряда белых камешков. С такой скоростью они будут сходиться долго, время подумать есть, а пустить в ход кровь всегда успеется.

Убыстрять шаг Савиньяк не стал, зачем? Он возвращался знакомой дорогой, отыскивая на картинах запомнившиеся по первому разу детали, за ним никто не гнался, плесень не появлялась, пол не раскисал, светильники горели ровно, хоть и странно. И все же как он сюда угодил? Заболел, понадобился родной остывшей крови, ищет вассалов или... Мать говорила о Левии, а Левий – об Адриане.

Адриан жил чудовищно долго, Адриан исчез без следа. Адриан оставил эсперы, Адриан явился Франциску, Адриан в молодости прогулялся гальтарскими лабиринтами. И что с того? Ничего, кроме того, что в подземелья Чезаре полез ради уже мертвого друга. Сам полез.

Маршал Ли играл, и удачно, за многих, сейчас стало нужно сыграть за себя. Граф Савиньяк просто так никуда не ввязывался, ему несомненно что-то потребовалось. Граф Савиньяк либо рвался к кому-то, либо хотел что-то понять. Граф Савиньяк вошел в эту дикую галерею по собственной воле, а вернее, не вошел, а вломился, потому здесь и плесени нет – ловцы жемчуга и тонущие видят дно по-разному.

Второй вывод лепился к первому: если ара сродни бакранскому алтарю, и если Алва, выводя погибающего Эпинэ, смотрел его глазами, то Савиньяк нашел сходную лазейку, но смотрит или сам, или глазами тех, кто не мечется и не боится. Вот живы эти «кто-то» или остыли, понять не получалось, он и так выжал из пока еще прогулки что мог, оставалось вернуться.

Проливать кровь на глазах пусть и нарисованной дряни не хотелось, к тому же здравый смысл подсказывал: выходить лучше там же, где входишь. И тот же здравый смысл советовал не медлить. Галерея, словно поняв, что ее разгадали, стала слипаться быстрее, но Ли торопиться не стал – не из бравады, из осторожности: побежишь ты – побегут за тобой. До матери с братцами он добрался, когда стены коснулись рамы королевского портрета и встали. Надолго ли? В пятнадцать Лионель считал себя очень умным, на тридцать пятом году это мнение не изменилось, просто добавилось осознание того, что быть умным отнюдь не значит все знать, все понимать и тем более предвидеть.

Савиньяк неспешно развязал ворот рубашки и столь же неторопливо вынул кинжал. Прошлый раз он ударил себя в грудь, и «остывающая» очнулась, значит, повторим. Кровь послушно потекла, она была алой, горячей и пахла, как положено крови, но потом ноздри защекотал другой знакомый запах, горький и сильный. Лионель оглянулся – королевский портрет дымил, как хороший, то есть плохой камин.

– Ли! Какого... Я же тебя просил!

– О чем именно? – Вот только Эмиля здесь не хватало! – Было много дел, я мог запоминать.

– Не переть на рожон!

– Какая невыполнимая просьба. – Лионель с улыбкой перехватил руку брата и обернулся к портрету. Так и есть, в смысле нет. Эмиля на картине нет.

Гизелла фок Дахе стала фреской. И Юстиниан Придд с Удо Борном... Сойти со стены, уйти в стену, сойти с полотна, вернуться на полотно – это и есть дверь! Дело за малым – за ключом и веревкой для страховки, потому что бездна за порогом более чем вероятна.

– Если ты думаешь...

– Я именно что думаю. – Кровь, бегущая кровь, отличает горячих от остывших, у остывших свои дороги и свое бытие. Бытие, где Зоя счастлива со своим Свином. – Будь так добр, тронь стену.

– Зачем?!

– Тронь.

Не может. Потому что дрыхнет не хуже Давенпорта и видит кошмар, хоть и усовершенствованный. Дундук ничего не слышал, но его родной кровью не заклинали.

– Дай руку!

– Что за бред?!

– Скорее, сон. Признавайся, ты сейчас спишь?

– Откуда я знаю...

Не помнит.

– Спишь. Дай руку.

А ведь в самом деле горячо! Терпимо, но горячо, будто чашку с глинтвейном схватил.

– У тебя лихорадка?!

– Не сказал бы.

– А рука горячая!

– С живыми всегда так, по крайней мере, здесь.

– Точно, горячка.

– Угу, а еще холера и чума.

– Ли...

– Погляди картинки, мне нужно подумать. В самом деле нужно.

2

За белым бархатным занавесом что-то негромко обсуждали; голоса казались знакомыми, однако покидать, как выяснилось, отнюдь не уехавшую Георгию было неправильно. Арлетта прихлебывала горький и при этом удивительно скверный шадди, а герцогиня Ноймаринен объясняла, как ее мать ухаживала за своими знаменитыми косами.

– Я не видела волос лучше маминых, а ты?

– Можно было бы сказать, что мне повезло больше, но ведь ты знала Катарину Ариго лучше меня, а Каролину Борн не хуже. Вот госпожу Арамона ты пока не встречала.

О дочке спрятанной в Альт-Вельдере капитанши Арлетта умолчала, благо косицам Селины пока не хватало длины. В отличие от ресниц. Георгия задумчиво тронула чашечку, она не хотела ссоры, а графиню все сильнее занимала прячущаяся за бархатом компания. Заинтригованная странными голосами, Арлетта не заметила, как вошли мальчишки. Ли и Росио появились одновременно с двух сторон. На сей раз обошлось без цветов, и правильно – она была не дома, она была не одна. Алва оказался куртуазней сына, он честно наклонился над рукой Георгии, а Лионель отодвинул проклятую занавеску, и Арлетта увидела... Левия! Живехонький кардинал сидел у камина, как две капли воды похожего на лаикский, и слушал Карваля, за которым виднелся отороченный алым рукав и кусочек траурной юбки.

– Вы хотели весны, Арлетта? – Рокэ уже обнимал гитару, и где только раздобыл? – Я правильно помню?

– Да... – Георгию нужно спровадить! Пока она здесь, кардинал не выйдет. – *Весна танцует с ветрами...*

– ...а лето поет и плачет!

Это была его первая песня в Сэ. Хозяйка из вежливости попросила молоденького гостя спеть, тот улыбнулся и сбегал за гитарой. Они были вдвоем – Росио устроился возле камина, Арлетта – у открытого окна. Когда замер последний звук, ее обнимал Арно; женщина не заметила, как он вошел, никто бы не заметил...

Забудь о слезах до лета – весна танцует с ветрами...

Забуть о слезах, забыть! Георгия убралась, хватило совести, а Ли у камина говорит с... Арно! Там, за белым бархатом, они кажутся братьями. Арно в черно-белом, маршальском, Лионель – в алом... Почему?

*Лето поет и плачет, осень с огнем играет,
Забудь о слезах до снега, лето уходит в осень.*

Она воистину чудовище! Другая бы закричала, бросилась бы, смеясь и плача, на шею, упала бы в обморок, наконец, но не сидела бы, пытаясь понять, почему в алом сын!

– Я – чудовище, Росио!

– Вы – чудо.

Слезы все же вскипают, и длинные пальцы немедленно прижимают струны. Видеть чужие слезы, не замечать свою кровь, он в этом весь.

– Ты опять разбил руки.

– Так получилось. Не плачьте и не вставайте.

Осень с огнем играет, зима убивает сразу,

Забудь о слезах до смерти, осень не знает тепла.

Падают каштаны, отскакивают от мраморного пола, с треском лопаются, выпуская блестящие золотисто-коричневые шарики. Осень знает огонь, она сама есть огонь, огню больно, а мы называем эту боль дымом. Память тоже дым...

*Зима убивает сразу, зима – это память лета,
Забудь о смерти до смерти, весна обнимает ветер.*

– Я все-таки встану, Росио. Там Арно!

– Там? – кровь на струнах, улыбка на губах. – Мы одни, сударыня. Не считая осени.

3

Вот так и понимаешь, какая милая вещь война, милая и простенькая, даже если ты ввалился в медвежью берлогу. Подумаешь, вражеский король или землетрясение, ты давай отсюда выберись! Кровь тебя не вытащит, зато других затянет. Будь твоей родней Райнштайнер или хотя бы Придд, это еще имело бы смысл, но братцы здесь не помощники, ну а с матери хватит Оллари...

Эмиль усиленно созерцает картины – значит, злится не на шутку. Когда здесь так или иначе закончится, он проснется или нет? И что запомнит? Надорские и оллариjsкие прогулки не в счет, тут нечто другое, им и займемся.

Чтобы выкинуть из головы лишнее, Лионель пересчитал ряды мозаик на полу, потом оглядел ближайшие полотна. С Манриком и серой в яблоках ногой все было по-прежнему, но в клубах дыма за материнской спиной проступало нечто вроде женского силуэта. Тоненького, невысокого.

Что за маленькая женщина в силах почуять его кровь? Почуять и почти найти? Больше всего похоже на Селину, чью мать он удержал – теперь это ясно – кровью, которой вправе клясться. Сэль накоротке с выходцами, и она верит Проэмператору, а доверие сопоставимо с любовью и всяко больше ненависти, хотя гизеллы тоже могут многое. Удачно, что выходцы второй раз умирают окончательно... Ну и чушь лезет в голову! Хорошо, что покончено с кудлатой дрянью, плохо, что Юстиниана с Удо нет уже нигде... Юстиниана?!

То, что он нашел, Ли понял сразу, вернее, понял, что нужно делать.

– Эмиль! – Себя маршал слышал не хуже, чем в любом другом месте, но лучше б он соображал с той же скоростью, что в доме фок Дахе.

– Осенило? – Брат пытался улыбаться, но ему было не по себе. – Может, скажешь, где вся эта похабень?

– Во сне. – Эмиль ни кошки не поймет, понять хоть что-то смогут лишь трое. Считая и тебя, если ты, само собой, выберешься. – Близнецы и супруги время от времени влезают друг к другу в сны, имей это в виду, когда женишься. Картинки разглядел?

– Попадись мне этот художничек! Вот уж не думал, что меня замутит от лошади!

– От лошади? – на всякий случай Ли глянул на успевшую стать ближе стену, там по-прежнему красовался Рудольф, причем пеший. – Видимо, дело в масти.

– Тогда бы я старичка Генерала боялся.

Вот и последнее доказательство. Пегое. Галерея не сон и не бред в том смысле, что порождает ее отнюдь не воображение в нее угодившего. Сюда можно попасть, и сюда попадают либо случайно, либо по зову, а вот ты полез сам, иначе б не было тебе никаких пожаров, только пегая кляча на мокройштукатурке.

– Тебя не затруднит, когда ты все вспомнишь, рассказать сие Райнштайнеру? Он с тобой?

– Вроде бы... Не помнишь часом, за что я хотел тебя убить?

– Помню. – У него должно получиться, и у него получится! – Про лошадку тоже расскажи.

– Ты дождешься... Ли, стены смыкаются!

– Только сейчас заметил?

– Это не сон! Вы обсуждали эту пакость с Райнштайнером и Приддом.

– А ты, оказывается, слушал? Ну надо же!

– Да, слушал. Нужно выбирать.

– Логично, и ты это сделаешь первым.

– Нет!

– Да. – Ли подхватил братца под руку. – Я могу тебе приказать, и ты послушаешься, но приказывать я не стану. Просто подумай. Я – лучший боец, у меня нет невесты, и главное – я не ты.

– Собака!

– С собаками к Валмонам, в нашей семье их не держат даже на гербе, но это не важно. Важно, что прежде в ней не случилось близнецов, а я на Савиньяка не похож.

– Да неужто?

– Вспомни отца. Вспомни все, что мы про себя слышали. Ты – настоящий Савиньяк, я – Рафиано, Леворукий, змея, сволочь...

– Раз сволочь – убирайся! Сволочи всегда удирают.

– Месяц назад я бы удрал, потому что считал Росио мертвым. Алва важнее нас обоих, я заменял Алву, и я бы ушел. Теперь Рокэ вернулся, он справится лучше меня, значит, теперь важнее сохранить настоящих Савиньяков.

– Вот ты и сохранишь. Малыша.

– А это, братец, уже не мое дело. Короче, желай мне удачи и проваливай.

– Удачи?!

– Я тебе уже писал, что не умираю и не собираюсь. Обойдемся без прощаний.

Рука не дрогнула, благо Эмиль настроился спорить, а не умирать. Здесь, в сжимающемся мороке. Так и не обтертый кинжал ударил в сердце, смешав две крови. Короткий звук. Не раз слышанный, в первый раз жуткий. Широко раскрывшиеся глаза, твои и не твои, в них сперва удивление, потом – ночь, черная ночь со звездами... Запах дыма, ветер, конский топот. Конец.

Осесть телу на здешний пол Лионель не позволил – подхватил и поднял, хотя не был ни Катершванцем, ни хотя бы Свином – доволлок до превратившегося в сгусток дыма портрета. То, что он творил, было не бóльшим бредом, чем рывок в горную щель, пожалуй, даже меньшим, но как же вовремя он встретил Придда и беднягу фок Дахе!

Арамона швырнул Гизеллу в стену, Удо Борн и Юстиниан сами прижались к старой штукатурке, Ли вырвал из раны кинжал и опустил брата в картину, будто в траву. В ушах зазвенело, в глаза кошачьими когтями вцепился дым, но на ногах маршал устоял. Во многом благодаря тому, что падать на *этот* пол не тянуло совершенно.

– Живи! – почему он прощается по-алатски? Почему алаты *так* прощаются? – Попробуй только не очнуться, дрянь эдакая!

Не очнуться, не разбить горников, не напиться по сему случаю с Карои, не жениться на своей Франческе... Поднимать взгляд на картину было страшно, пожалуй, ничего страшнее Ли еще не делал, но он взглянул и увидел, как горит какой-то город – южный, полный статуй и колонн. Мать с Арно и непонятная девушка пропали, зато на пожар любовался кто-то светловолосый в алой тунике и с коротким древним мечом за спиной.

Глава 8
Талиг. Акона
Талиг. Лаик
400-й год К.С. 12-й день Осенних Молний

1

Кровь на клинке так и не высохла – достославный из достославных ошибся в нареченном Альдо и в ничтожной, но не в заклитии. Щит остается Щитом, и развязать единожды завязанное может лишь вторая кровь. Гоганни опустила на корточки перед золотистой, сдерживаемой лишь тонкими лучами пустотой, в которой висел кинжал. Грудь пронзила короткая, знакомая боль – ара узнала ставшую Залогом и ответила, как отвечала всегда. Золотое марево сделалось гуще, а затем разом пропало, и девушка увидела неприятный пир. Бесконечную череду столов украшали блюда с заливными рыбами, и даже отец отца не назвал бы трав и специй, дарующих столь яркую зелень. Укутанные в желе длинные тела словно бы светились, и свет этот скрывал следы от ножей, пробегая волнами от украшенных кудрявыми бантами хвостов к сжимавшим поддельные цветы ртам. Другой пищи хозяева не предлагали, между блюд стояли лишь узкие кувшины с напитками и миски с медленно кипящей густой подливой. Двойные сосуды для сырного соуса Мэллит знала, но здесь не было ни треножника, ни малого огня под ним. Девушка удивилась и попыталась понять и запомнить, а потому не сразу заметила, что неприятное было еще и чудовищным.

Гости не сидели, но толпились у столов, они хотели съесть много и потому спешили, отталкивая друг друга локтями и коленями. Гоганни вгляделась – некоторые казались знакомыми, но она слишком хотела забыть тех, кто окружал лгавшего, к тому же обступившие столы были похожи. Не лицами и одеждой, но желанием есть не из голода и не для наслаждения. Пожирателей рыбы прижимала к столам доступность пищи и то, что за нее не надо платить.

Едва сдерживая отвращение, Мэллит смотрела, как тощий и бородатый кромсает сома и отправляет в рот куски белого мяса. По рукам несытого текла подлива, в бороде запутался кудрявый лепесток от бумажной хризантемы, ярко-желтый, он манил глаз и отвращал душу. Кубьерта порицала тех, кого не насытить, как не насытить болото, и повелевала изгонять таковых, ибо голодные сердцем опасней прокаженных и ненадежней зыбучих песков. Внуки Кабиоховы не читали этой мудрости и кормили мерзких в ущерб достойным.

Гоганни поморщилась от избытка скверного и тронула ноющую грудь. Ара не отпускала, вот и приходилось смотреть, как жадные набивают рты пищей, а карманы – столовым серебром. На солонках и перечницах имелись клейма, но что с того возжаждавшим всего и берущим лишнее должного присмотра? Косой гость зачерпнул подливы, уронил общую ложку на пол, нагнулся и, даже не обтерев, сунул за пазуху, после чего подцепил вилкой светлый комоч, оказавшийся человеческим носом. Острым, с прожилками и темными волосинками в ноздрах. Золотой свет поглощал звуки и запахи, но Мэллит, борясь с тошнотой, схватилась за горло. Она не могла уйти, пока в золотое марево не вернется кинжал с каплей живой крови на конце, и этот миг нельзя упустить! Почему, достославный из достославных не объяснял, но в его словах девушка не сомневалась и смотрела, смотрела, смотрела...

Гости насыщались, однако кипящая подлива не убывала, нет, ее становилось все больше, она угрожала выплеснуться на скатерть. Хозяева так и не появились, зато шевельнулся сом с желтой хризантемой. Он больше не был лишь рыбой – на блюде спал и улыбался половиной

лица тот, кто прежде покоился в фонтане. Красные губы сжимали цветок, но одна щека оставалась рыбьей, как и длинное, приросшее к губе щупальце; оно струилось вдоль шеи и уходило в скрывающее тело желе, из которого выступали колено и рука с тремя пальцами. Гоганни торопливо перевела взгляд на соседние столы – и там на блюдах возлежали еще не люди, но уже не пища. Пирующие этого не замечали, продолжая наполнять свои тарелки, и чем больше они брали, тем сильнее кипела подлива.

Когда ничтожная поняла, что жадные пожирают друг друга и этим питают спящих? Когда бородатый потянулся за свежим куском к осетру, а косой лишился лопатки, но не заметил этого, продолжая поедать то, что у назначенных в пищу животных зовут огузком? Когда худая и знакомая в малиновом уборе лишилась глаза и щеки, а человек с хризантемой обрел лицо? Или знание родилось из разрывающей грудь боли, нестерпимой, как прозрение?

– Вы... – спящий выплюнул хризантему и провел языком по губам, – вы... вы все...

– Мя-у-р-шшшш!

Это был кот! Кот! Именуемый Маршалом взобрался ничтожной на грудь. Он был тяжел, и Мэллит увидела страшное. Он выпустил когти, и пришла боль.

– Их нет, – прошептала девушка, снимая урчащего. – Нет и не было...

Сон растаял, но ужас не уходил, как и боль в груди. Мэллит зажала свечу и распустила рубашку. Ранка открылась, и сделали это отнюдь не кошачьи когти.

2

Лионель прикрыл глаза, давая галерее возможность сделать ход и заодно ловя за хвост мгновения перед прыжком в полусмерть. Ухватишь хотя бы мелочь, от нее потянутся ниточки вперед и назад. Мелочь нашлась – алый в золотых капустах бочонок, а вот его хозяина мелочью назвать не получалось. Как угодно, только не мелочью!

Толстый бондарь, его тощий враг, свист арбалетного болта, лужа во дворе, одиноко валяющаяся жердина... Это было, было в... как же зовется городишко, в котором пара не до конца опалевших бесноватых годами вела войну, и как звали их самих? Пропавшие имена – еще одна монетка в копилку! Выходцы забывают имена и названия, они многое забывают, так не за памятью ли они являются? К кошкам выходцев, к Фридриху на пенке, не до них, надо свести воедино всё, что удастся вспомнить. Они с Вальдесом – да-да, именно с Вальдесом! – вернулись со двора, где алел бочонок и блестела лужа, потом альмиранте умчался к алатам, а он... Он отправил «фульгатов» допивать этот самый бочонок. В обозримом будущем никто умирать или пропадать не собирался, будь иначе, Ли спустил бы себя напоследок с цепи. Знание, что именно этот бокал и эта женщина могут стать в твоей жизни последними, превратят плохонькое алатское в «Черную кровь», а конопатую – конопатую ли? потом, это потом! – провинциалку в Звезду Оллари. У Марианны не было веснушек... Жаль, что она умерла.

Так, эта... пусть будет галерея, раздвигает память по ниточкам, не давая сосредоточиться. Не выйдет! Он помнит, куда делся Вальдес, и уверен, что никаких сюрпризов не ожидалось, но ведь что-то же вклинилось между одиноким вечером в Западной Придде и созерцанием семейного портрета, с которого он, надо думать, и сошел. Его никто не встречал, значит, его не позвали даже случайно, как сам он высвистал Эмиля. Любопытно, что братец запомнил... Нет, не любопытно! Не любопытно, не важно, не нужно ничего, кроме дороги сюда, а значит, и обратно.

Открыть глаза, оглядеться. Галерея успела слегка сузиться, зато потолок стал еще выше, хоть что-то хорошее. Странное все же место и дорога странная – от дымящего портрета до разбитых гербов. Любопытно, почему пыль есть только на занавесе, здесь вообще любопытно, особенно картины. Если б они пугали или возбуждали, было бы понятно, но бесконечные драки

и добросовестный разврат вызывают смешанную с брезгливостью скуку. Пегая кобыла и та должна быть приятней.

Эмиля призрачная лошадь напугала, а Мэлхен – нет, хотя бросаются же убегающие от собак зайцы к охотнику. В этом что-то было, здесь вообще неплохо думалось и еще лучше забывалось. Ну что б было захватить на грань небытия письменный прибор? Мысль, при всей своей нелепости, потянула другую, возможно, полезную. Прежде чем садиться за рапорт, Ли раз за разом составлял его в голове, а потом единым духом записывал. Сейчас записывать нечем и не на чем, но несколько раз повторенное ляжет на бумагу потом. Возможно.

Думать на ходу или в седле всегда было проще, и Лионель спокойно двинулся вперед, стараясь держаться точно посреди прохода. Логика подсказывала, что отсутствие видимых дверей означает, что он уже не жив, но еще не умер. Выходом в жизнь, скорее всего, был портрет, а смерть могло загораживать что угодно. Наиболее вероятным казались заснеженный Фридрих и камин, который в придачу намекал на гибель двух династий. Ли склонялся к Фридриху.

3

Что ему ударило в голову, Робер не представлял, ведь все было так хорошо! Как именно – забылось, осталось лишь ощущение чего-то славного, да на щеке задержалось тепло, словно от женских волос или от Клемента.

– Твое Крысейшество, – позвал Робер и сунул руку за пазуху, но нащупал лишь рубашку. Ну зачем он ушел, тем более в Ноху?! Что ему тут делать без Левия, без сестры? Эпинэ огляделся: оказалось, он за какими-то кошками забрался на крышу бывшего архива со стороны двора. Внизу блестели лужи, в которых отражалась упрямо и знакомо кружившая голубиная стая, а на террасе стоял кто-то в сером. Не Пьетро и не кардинал. Монах не казался старым, а большего с крыши было не разглядеть – голуби понимали лучше. Эсператист только запрокинул голову к небу, а они уже полетели.

Птицы угадали, а может, привыкли в это время кормиться; клирик вытащил кисет, и бывшая наготове стая устремила на грешную землю – благое даяние падало именно туда, а хватать куски на лету дано не всем. Святой отец наклонился над балюстрадой, разглядывая слетающих на хлебников, которых становилось все больше. Серые, белые, бурые – они возникали непонятно откуда и хотели одного – успеть. Нохский ворон ничего не мог с ними поделать, а коты ушли.

Мимо Робера, чудом его не задев, пронесся переливчатый толстяк, Эпинэ невольно отшатнулся. Неожиданно закружилась голова, даже не закружилась, просто перед глазами махнули алым, светящимся изнутри мешком, резко кольнуло в висках и тут же прошло – переливчатый даже не успел спуститься на каменные плиты...

– Лэйе Астрепэ!

Собственный голос Робер узнал, зато все остальное уверенно обернулось пакостным бредом, разве что солнце сияло по-прежнему. Ставший безжалостным свет омывал серые стены, превращая лужи в злобные зеркала, но хуже всего был переливчатый. Гад старательно махал крыльями, однако птичьего в нем осталось немного. Вниз стремился некто тучный, в лоснящейся по швам одежде. Эпинэ ясно видел полускрытую туевым венком плешь, выставленные вперед ноги в туфлях с пряжками, внушительный, оснащенный хвостом-веером зад. Жуткая в своей нелепости тварь была не одинока – со всех сторон неслись такие же... птицы, терраса их не занимала, возделенная цель была внизу, но ей завладели успевшие раньше. Запоздавшие валились копошащимся на головы, проталкивались вниз, били крыльями и наверняка орали, но в этой Нохе все, кроме Робера, были немые – и люди, и полуптицы, и колокола.

Смотреть на давку не хотелось, и Робер поднялся к самому гребню. Площадь перед аббатством не изменилась, к ней по-прежнему лепились дома, черные, выгоревшие, но дыма видно

не было, пожары давно отполюхали. Эпинэ попробовал присесть на крышу, та ушла куда-то вниз, ходить по старой черепице получалось, сесть или хотя бы тронуть рукой – нет. В довершение всего над молчащим городом вставала свинцовая туча, а небо перед ней расцарапывали белые тонкие облачка.

Гроза собиралась стремительно, но заливавший Олларию свет делался лишь ярче. Не выдержав, Иноходец прикрыл глаза ладонями – туча не пропала, просто в нее плеснули то ли крови, то ли заката. В черно-багряных клубках мелькнуло крыло, по счастью, не голубиное, и тут же небо вспорола первая молния.

- Здесь становится скучно, – пробормотал гром, – и мокро.
- О да, – откликнулся ветер, – Эпинэ и тот заскучал, а так хорошо сидел...
- Я не скучаю, – объяснил непонятно кому Иноходец, – мне здесь не нравится.
- Уходи, – разрешил гром, – запомни и уходи.

Странное разрешение, хотя торчать на крыше и впрямь нечего, Робер отнял руки от лица – он был уже на террасе. Один! Монах пропал, но птичеловечья толпа внизу продолжала толкаться. Наверняка они что-то клевали, наверняка это им казалось вкусным, нужным, главным... В мешанине голов и венков голодно блеснуло – кто-то выхватил нож. Крылья стали не нужны, крылья исчезли, а вот хвосты остались. Голубиные распущенные хвосты, за которые хватили соперники. Зачем?! Неужели втоптаные в грязь крошки стоят крови? Или там, под кипящей кучей, есть что-то еще? Есть! Смерть, и много.

Глава 9
Талиг. Акона и окрестности
Талиг. Лаик
400-й год К.С 12-й день Осенних Молний

1

Больше Савиньяк не сомневался – в смерть галерея выдавливает, а в жизнь нужно либо вырываться самому, либо ждать помощи. Если он сейчас просто без сознания, шанс в лице Вальдеса у него есть, и немалый. Ротгер знает про госпожу Арамона, да и сам далеко не прост, хуже, если альмиранте загуляет, и совсем плохо, если никакое тело нигде не лежит, исчезли же Джастин, Удо Борн и Свин.

– Капитан Арамона, – тоном благосклонного Проэмперадора произнес Савиньяк, – мне нужно с вами поговорить. О вашей недавней просьбе.

Будь Свин поблизости, он бы не замедлил явиться, но у выходцев свои невозможности. Надеяться можно только на Вальдеса и на себя. Ты жив и в силах затащить сюда родных при помощи крови. Ты сошел с портрета и сумел отправить туда брата, сделав с ним то, что Придд и Мэллит проделали с выходцами. Сами себя упокоить Джастин и Удо не могли, так что прижаться к картине и ударить себя в сердце – не выход, да и не получится это. Даже если притащить обломки от камина и соорудить из них что-то вроде постамента, помешает рама. Попытаться рассечь холст? Не исключено, но что просочится в эту дыру и как это аукнется горячим?

Глядя прямо перед собой, маршал прошел между двух почти отражающих друг друга развратов – монастырского и дворцового, остановился, очередной раз оценив ширину прохода – она почти не изменилась. Если стены не готовятся к прыжку, они будут сползаться очень долго, вопрос – зачем?

Госпожу Арамона загоняло к коронованной Холодом дочке. Иноходец, если Айрис правильно поняла его, а Селина – Айрис, умирал. Рокэ искал непонятных вассалов, а с песенным бергером и вовсе никакой ясности: как-то зашел, как-то выбрался или его выдернули? Вытащить можно кровью и очень похоже, что именем. Алва, кажется, может и так, и этак... *Может*, не «мог»!

Рокэ жив. Отправляя Уилера на поиски, Лионель всего лишь надеялся, а сейчас даже не верит – знает. Это именно знание, и пришло оно после ухода Вальдеса, иначе бы Проэмперадор с адмиралом на радостях самое малое полезли бы пить на крышу. Объявился гонец? Тогда бы означенный Проэмперадор послал за Ротгером и схватился за перо. Нет, вестей не было, так может, он, оставшись один, увидел Рокэ, как прежде мать?

Плевать, что ты не помнишь, главное, ты – это ты. Проэмперадор Севера и Севера-Запада может отвернуться от *своей* войны, только если за нее взялся регент. Не Рудольф – Росио. Ворон делает сейчас то, чего от него летом ждал Хайнрих, – летит на север, и ты, сидя в городишке с выскользнувшим из памяти именем, это понял и куда-то бросился. Не на помощь – будь с Алвой что-то не так, бездумно успокоить Эмиля не вышло бы. Соврать – да, он и прежде врал, только ложь была бы осознанной.

Чудовище! Так Каролина Борн называла мать, так мать со смехом называла сына, Росио, себя, Бертрама... Они – талигойские чудовища, они нужны Талигу и друг другу, а значит, бросят себя на кон, лишь когда иначе нельзя. Он бросил, а после заявил брату, что нужно сохранить настоящих Савиньяков. Эмиль – настоящий, это очевидно всем, а Лионель? Неважно!

В этом местечке главное – не давать мыслям разбегаться. Только вперед, пока есть куда; упреешься во всех смыслах в тупик – пойдешь назад, не сворачивая и не отвлекаясь.

Итак, Алва нашелся, но с кем и где его носит? Сагранна, Вараста, даже Эпинэ слишком далеко, чтобы маршал Савиньяк рискнул головой в Западной Придде. Зная, что регенту еще ехать и ехать, Проэмперадор не покинет армию, а он покинул. Выходит, Рокэ показался в пределах Кольца, в месте, которое не спутаешь ни с чем. Зимние поля безлики, как и постоянные дворы, и мелкие городишки, но проезжая мимо Олларии, Алва не преминул бы туда завернуть, а завернув, не обошел бы стороной место, в котором пытался умирать.

В Нохе плясала королева Холода, бил в небо зеленый призрачный столб, и первый серьезный бунт случился тоже там. Туда рвались городские бесноватые, и в это самое время в бывших комнатах Ворона ждала еще неясной беды мать и билась в своей шкатулке древняя маска. Если гальтарские лики в самом деле открывают призрачные двери и в состоянии помнить, они почуют возвращение Алвы к пролитой некогда крови. Одна беда – вид Рокэ в зачумленной Олларии Савиньяка не успокоит, а встревоженный Проэмперадор не отстанет от регента, пока не убедится, что с тем все в порядке. Что ж, долой Ноху и заодно всю столицу, но тогда... Лаик?

По словам матери, в поместье бесноватым не место, да и Уилеру было велено завернуть именно туда. От Жеребьячьего загона до заставы в Мелане – больше недели. Всем, но Росию с Анталом – пять дней. Если озаботиться заводными лошадьми и бросить все лишнее. И всех. Правда, когда Уилер уезжал, горело не слишком сильно, а новостей о горниках и эйнрехтцах прежде Мелане регенту не узнать. При таком раскладе понять, чем стала Оллария, важнее. Алва не мог туда не сунуться, ну так, значит, он сунулся и вернулся.

Гадать, что его убедило в том, что Ворон в столице уже побывал, Лионель не стал, ему хватило своей уверенности.

– Все дороги ведут в Лаик, – сообщил Савиньяк Фридриху, до которого как раз добрался. Неистовый не ответил, но Лионель просто хотел услышать свой голос. Услышал. – Все талигойские дороги.

Пора было поворачивать к семейному портрету, выход был, если был, именно там, но Ли отчего-то вновь оттянул занавес. Осколки так и лежали у выставшего камина. Огромного, безликого – ни решетки, ни щипцов, ни пепла. Знал ли бедняга огонь или только и видел, что осколки величий? Сожалеть о каминах, угодив в ловушку, предельно глупо, но... Остывшие ходят от холода к холоду, тогда дорога горячих от тепла к теплу! От тепла или... от огня? Гореть здесь нечему, разве что полотнам, но дарить *такому* огонь? Обойдутся.

Серую тряпку Лионель сорвал одним рывком, вложив в него всю силу. Пыльный занавес покорно накрыл несчастного дракона, взметнув облачко пыли. С огнем, как и с кинжалом, Савиньяк не расставался, но просто затолкать полотно, пусть и сухое, в мраморную пасть и высечь огонь казалось слишком уж легким. Маршал, заставляя себя не спешить, располосовал на удобные лоскуты свой, видимо, предпоследний шанс, потом зачем-то поднял голову Победителя Дракона и узнал Франциска. Этот выполненный с гальтарской дотошностью бюст рисовали на уроках унары, но в год восстания Эгмонта король разбился. Лионель смутно припомнил попытку привязать это к следствию, не привязали – Сильвестр тогда еще не торопился. В Жеребьячий загон прислали новую копию, судьбой осколков капитан королевской охраны не интересовался, но это были они. И это были задворки Лаик, иначе с чего бы пропавший клирик, узнав, куда загнали самозванных суз-муз, так озверел? С чего бы он вообще сидел в Жеребьячем загоне?

– Благодарю, ваше величество! – Савиньяк осторожно пристроил марагонца у дальней стенки камина. Не выйдет – значит, не выйдет. Обычное, не промасленное полотно так просто не поджечь, но здесь вышло сразу. Стоковавшийся по огню камин полыхнул, будто в него затолкали брандер, ревущее пламя выплеснулось наружу, пожирая Зверя, Дракона, Победи-

теля. В лицо дохнуло чудовищным жаром, и Ли сперва невольно отступил, а потом усмехнулся и четко, как на дворцовом приеме, шагнул в разгорающийся закат.

2

Грато Арно узнал сразу – попробуй его, такого, не узнай! Жеребец разыгрался не на шутку, впору самому Моро! Серый змей бил задом, вскидывался на свечу, делал здоровенные, будто через речку сигал, лансады, но взгромоздившийся на братнее сокровище Эмиль держался. Арно следил за поединком без особого волнения – лошадей, способных сбросить старшеньких, теньент еще не встречал; вот что было странным, так это тишина. Не ржал конь, не стучали копыта, не шумели деревья, хотя ветер был, и немалый, – здоровенные вязы гнулись, как тростники над озером. Поднявшаяся пыль мешала смотреть, Арно подобрался поближе, и зря. В лицо летучей мышью бросилось что-то темное и большое... Шляпа! Черная шляпа с алым фамильным пером, хоть сейчас лапай! Теньент нахлобучил память былой глупости чуть ли не на самый нос и едва успел отскочить, давая дорогу разнесшему мориску. Грато надоело плясать, он сорвался в бешеный галоп. Ничего, вернется шелковым. Арно проводил глазами летящего вдоль пруда простоволосого всадника, понял, что напаялил маршальскую собственность, рассмеялся, и тут Эмиль, перелетев через голову лошади, грохнулся наземь. Взметнулась туча пыли и показавшихся искрами листьев, закрыв и брата, и коня. Упасть может всякий! Если лошадь споткнется или не впишется в поворот, если сплохует всадник, но с этим – не к Савиньякам!

Только бы обошлось, кляча твоя несусветная, только бы обошлось! Арно бежал, твердя эти слова, как заговор, и ведь сработало! Он не покрыл и половины расстояния, а Эмиль уже поднялся и вовсю отряхивал мундир. Теперь будет злиться, а кто бы не злился, вылетев из седла на глазах младшего брата? Быть искусанным виконт не рвался, вот и отступил сперва в кусты, а затем к пруду. Не перестававший дурить ветер швырнул в лицо едкую дымную горечь. Это не листья жгут, это пожар!

Арно ошибся совсем немного – пожара еще не было, горел мчащийся наметом Грато. Хвост и грива полыхали кострами, но ошалевший мориск в жуткой тишине летел мимо спасительной воды. Виконт кинулся наперерез сквозь кусты, ломая ветки, оставляя на них клочья одежды... Он успел! И отскочил в сторону, а мимо пролетела уже не лошадь, пусть и обезумевшая. Вперед, к невидимому еще городу, неся рыжий ненавидящий огонь, от Грато в нем оставалась лишь задняя нога.

Арно еще хватило на то, чтобы выскочить на дорогу и найти след. Огонь не тронул седую пыль, след оставило лишь конское копыто. Подкова без единого гвоздя отпечаталась просто отлично. За каким-то Змеем теньент наклонился, но свитая из дыма и пыли плеть саданула по глазам, и его вышвырнуло в ночь. В собственную постель и войну.

Вставать было явно рано, засыпать – поздно и, что греха таить, страшновато. Разогнавшееся, как после хорошей пробежки, сердце успокоилось быстро, но на душе становилось все гаже. Чувствуя себя последней скотиной, Арно высек огонь и принялся одеваться, но успел натянуть разве что штаны.

Стук был деловым, негромким и ужасно своевременным. На ходу приглаживая волосы, теньент бросился к двери, за ней стоял ординарец Валентина.

– Сударь, – обрадовал он, – господин полковник приносят свои извинения, но вы ему нужны.

– Я не спал, – успокоил Арно, всовывая руки в рукава, – то есть проснулся.

– Вы зажгли свет, – подтвердил «спрут». – Полковник не велел вас будить.

– То есть как?! А, сам спрошу...

3

Света хватало, дыма тоже, обычного горького дыма. Осенью в Сэ жгут костры, а на шее мраморного оленя появляются рябиновые бусы, они тоже горчат. Горечь рябины, горечь дыма, горечь хорошего вина...

– *«Предвещает погоню...»* – Отец наклонился, поднял нитку рябиновых бус и засмеялся. – *В Черной Алати погоню, жизнь и охоту зовут одним словом.*

– *Алэтэи.*

– *Ми тоже знает?*

– *Нет, и он не Ми!*

– *Это ему так хочется.* – Рябиновые бусы отправились в генеральский карман. – *Свой трофеей я посеял, хоть твой постерегу. До свадьбы.*

– *Папа!*

– *Ты не только своего прозвища не боишься, но и нас с Арлеттой.*

– *А чего вас бояться?* – Бусы можно было сто раз спрятать, кинуть на счастье в огонь, прихватить на память, дельце того стоило, а он оставил почти на виду. Родители вечерами гуляют у воды, отец наверняка бы заметил и сказал матери. Лучшие он и здесь, чем какая-нибудь камеристка... – *Я хотел, чтоб ты нашел.*

– *Однако,* – генерал пристально взглянул на еще даже не унара. – *Бояться пора тебя. Каролину ты, по крайней мере, напугал: она просто счастлива, что Ги старше тебя и в Лаик вы разминувшись.*

– *А уж как мы с Росио счастливы!* – не утерпел Лионель. Поездки в Гайярэ становились все тошнотворней, и не только из-за стихов о неизбежной разлуке и невозможной любви. Высоких чувств Ли ни к кому не испытывал и испытывать в ближайшее время не собирался – его бесили навязчивые рассуждения, что будущему главе дома Савиньяк лучше отдать войну брату и заняться тем, что требует тонкого ума.

– *Я тоже счастлив,* – засмеялся отец, – особенно в сравнении с Пьером-Луи. Ты – хороший наездник, Ли, тебе можно доверить любую лошадь. Успеть бы еще увериться, что тебе можно доверить армию, братьев и мать.

– *Как?! Зачем?* – не понял, да что там не понял – обалдел Лионель. Отец засмеялся.

– *Я хорошо старше матери, и я – военный, а ты старше братьев. Особенно Эмиля.*

– *Арно,* – поправил Ли. Отец покачал головой.

– *Эмиля. С Арно наверняка не скажешь, Мальши еще слишком мальши... Росио старше тебя, но вы все сильнее походите на друзей.*

– *Мы друзья!*

– *Надеюсь, но вас двое, и вы можете встретить одну женщину.*

– *И что? Выбирает тот, у кого есть выбор. Один мужчина из двух женщин и одна женщина из двух мужчин.*

– *Вижу, Лахузу ты уже освоил, но это теория. Ты, именно ты, готов доверить выбор женщине? Она может выбрать не тебя.*

– *Она и выберет не меня. Если у нее есть глаза и мозги!*

– *У женщин еще бывает сердце...* – маршал Савиньяк улыбнулся чему-то своему. – *Тебе все-таки пятнадцать, это слегка успокаивает.*

– *Мне будет тридцать пять.*

Каменный олень тянется к усыпанной листьями воде, в синем небе тает серенькое облако, рука сжимает откуда-то взявшееся рябиновое ожерелье. Отец давно убит, Сэ сгорел, осень кончилась. Алые бусины пахнут не ягодной горечью, а кровью; рядом никого нет, но дворец

все еще смотрится в озеро, а ветер забрасывает парк летучим золотом. Жаль отворачиваться, но ему не пятнадцать! Собственно говоря, поэтому и жаль...

– *Ты хочешь в Лаик?*

– Я хочу выйти, и я выйду.

Лаик... Изувеченные омельой вязы, то мокрые от дождя, то пыльные, готовые от первой же искры вспыхнуть, то заснеженные. Деревья помнят многое, но молчат, как и ставшая гауптвахтой часовня, и громадное, гулкое здание. Вечная полутьма, бесконечные переходы, по которым гуляет эхо. Призрачные монахи, крохотные серые слуги, черно-белые унары. Танкредянцев прогнали, но комнаты так и остались кельями – переделать трудней, чем начать с чистого листа... К Леворукому философию, сейчас главное – Лаик. Стук детских клинков, бобовая похлебка, первая присяга, мордатый пучеглазый ментор, пламя факелов. Ровно горящее и мечущееся, растрепанное. На каменном полу валяются знакомые тючки, ничком лежит темноволосый унар, живому так не упасть.

Смутно белеет мрамор, корчатся тени, одна заметно темнее других – невысокая, стройная, явно человеческая, только людей, кроме лежащего, здесь нет. Черная тень – то ли женщина, то ли клирик – не знает о своей невозможности; ей нужно к стене, и она не то ползет, не то струится. Выглядит жутко, растерзанные картечью, не говоря о повешенных и скелетах, куда приятней. Вот и стена. Темные плиты рядом с пьяной тенью кажутся чуть ли не светом, черный силуэт льнет к древнему камню, обретает четкость фрески, но не плоть. Это клирик. Олларианец. Вскинутая рука, красивое, еще молодое лицо залито кровью. Супре! Герман Супре и унар Паоло, которых все-таки убили. Вступая на чужую тропу, Лионель увидел их, как Селина увидела бросившуюся на кинжал женщину в красном.

Тропы выходцев ведут от холода к холоду, он просто встретил несмерть и угодил в нее же, но главное не это, а сложившаяся наконец мозаика. И камин в Старой галерее, стен которой уже не коснуться.

Глава 10
Талиг. Акона
Талиг. Лаик
Талиг. Окрестности Аконы
400-й год К.С. ночь с 12-го на 13-й день Осенних Молний

1

О том, что до безобразия аккуратная комната только что была спальней, можно было догадаться лишь по хозяину без мундира и паре небольших व्यюков. Все остальное успело перекочевать в полковой обоз.

– Доброго, видимо, все же утра, – Придд встал и протянул руку. – Ситуация требует вина, но нам через два часа выступать и двигаться форсированным маршем.

– Выступим, – заверил Арно. – Спать можно и на ходу.

– У меня не получается, – признался однокорытник, – кстати, о «выспаться». Тебе что-то снилось?

– Чушь, – скрытничать виконт не собирался, – но какая-то подлая. Грато сбросил Эмилия, а потом загорелся, сбежал и устроил пожар. И еще эта нога...

– Какая нога?

– Правая задняя, она так и осталась серой в яблоках.

– А маршала Лионеля ты не видел?

– Нет. До Грато была Селина... Девица Арамона. Она предложила мне кота, ну чтобы я на нем поехал, я огрызнулся, а Сэль ткнула мне в нос Фельсенбурга. Дескать, он на своей кошке ездит, и ничего... Постой! Я спятил, или к тебе вечером Мелхен приходила?

– Ты вполне в своем уме. – Валентин положил на стол серебряную звездочку. – Более того, я надеюсь, что пребываю в том же состоянии. Арно, я был бы тебе очень признателен, если б ты одновременно со мной порезал себе левую руку.

– Кляча твоя несусветная! – Когда Валентин спятит, мир накроется кошачьим хвостом. Трехцветным. – То есть да, режем, конечно, а зачем?

– Очень надеюсь, всё дело в моей необузданной фантазии. Я тоже видел неприятный и необычный сон. Сам по себе он ничего не значит, но тебе тоже приснилась...

– Пакость, – подхватил Арно. – Так ты видел Ли?

– И его тоже. – Придд уже держал кинжал. – Нужно надрезать запястье, и пусть кровь прольется на эсперу. Ты никогда не думал, зачем Адриан их сделал?

– Так ведь известно давно! Выходцы...

– Дело в том, – словно бы извинился полковник, – что первые упоминания о выходцах, которые я смог найти, относятся к середине второго кабитэлского круга.

– То есть при Адриане их просто не было? Режем?

– Одну минуту, – Валентин подложил под эсперу что-то, сперва показавшееся тарелкой, но бывшее зеркалом в узкой серебряной рамке. – Режем.

Крови Арно не боялся ни чужой, ни своей, но почему-то зажмурился. И это после лекарского обоза! Как же там пахло этой... таволгой. Уж лучше дым, особенно не пороховой. Как осенью в Сэ, когда в парке жгли листья и ждали сперва отца, потом братьев...

2

– Так мне признаваться, – зевнул Салиган, – или как?

– Признавайся, – Алва чуть ли не впервые после встречи в Хандаве провел ладонями по глазам. Забивать ему голову голубиным бредом сейчас было бы свинством, но завтра придется рассказать все. – Я еще не сплю.

– Вы уверены? – Эпинэ растер запястье. – Я за себя не поручусь. Давайте обсудим, что получилось, завтра.

– Обсудим завтра. – Неужели согласен?! Выходит, ему опять худо! – Но рассказать придется сейчас, иначе забудем.

– Я видел голубей, – забудешь такое! – их кормили, и они почти стали людьми, но крылья остались. И хвосты... Выглядело отвратительно...

– Они дрались? – Алву полуптицы не удивили. – Как голуби или как люди?

– Как в Доре... Хотя ты же не видел!

– Ты уверен?

– А...

Брякнуло. Салиган вытащил из подтаявшей кучи венец, встряхнул и нахлобучил на кубок.

– У видений есть одна чудесная особенность, – объявил он, – поверьте бывшему лжесвидетелю. Доказать, что я видел не то или вообще ни змея не видел, нельзя.

– Это к чему? – до странности рассеянно осведомился Валме.

– К тому, что Эпинэ лучше выставить. В противном случае я либо растравлю его раны, либо подорву молоденькую веру в меня, а это такое приятное чувство... Рокэ не считается, у него был повод.

– У меня тоже, – почти засмеялся Робер. – И потом, гаже моих голубей не придумаешь.

– Я предупредил, – Салиган по-менторски погрозил пальцем. – Итак, для затравки мне показали что-то вроде дуксии. Дрались совсем как у нас, но разглядеть милые подробности я не сумел. То ли мои коллеги перебрались в дворцовую прачечную в надежде во всех смыслах отстираться, то ли клубилось не у них. Я выискивал родные черты изо всех сил, но видел лишь деяния, а вцепиться с разбегу в физиономию может не только Дженнифер и не только Краклу. В конце концов паром заволкло все, а потом этот пар стал чем-то вроде холстины... Эпинэ, вам самое время выйти.

– Нет.

– Вот этим проэмперадор и отличается от дуксов.

– Кстати, о проэмперадоре. – Валме встал и подошел к Ворону. – Твой Леворукий... который получился у премудрой... не может быть обычным Савиньяком?

– Для этого мы слишком хорошо друг друга знаем.

– Я тебя в Нохе чуть за выходца не принял... – виконт казался чуть ли не смущенным. – Понимаешь, я видел Савиньяка, правда, не в столе, он минут десять здесь крутился.

– Лионель или Эмиль?

– Лионель подходит лучше. Эмилю меняться не с чего, и вообще он жениться собрался, а этот... Ты на бастионах похоже глядишь. Уилер говорил, как от Савиньяка гаунау шарахались, так вот я их понимаю, выглядел наш маршал на редкость... закатно.

– Как он появился?

– Вошел, – почти огрызнулся Марсель. – Как человек, через дверь, а дальше какая-то ерунда. Я его ясно видел, он меня – нет. На вас тоже не смотрел, то есть смотрел не на вас.

– Уилер никого не заметил?

– Никого, и Готти тоже.

– Давенпорт гулял по Надору. – Рокэ спокойно пересек помещение и открыл дверь. – То, что кто-то однажды сделал, рано или поздно повторят. Капитан, пошлите за Коннером и возвращайтесь. Вы мне нужны.

– А мы? – Салиган сунул палец в лужицу, а потом предложил коту. Кот лизнул пару раз и отвернулся. – Мы с мокрой тварью тебе еще нужны?

– Возможно, – протянул Ворон. – Марсель, куда именно смотрел Ли?

– За Танкреда, а потом положил руку на кинжал, шагнул вперед и сгинул.

– С какой стороны были ножны?

– Слева, но с Савиньяком это ничего не значит.

Тени дрогнули и забились – Салиган вытащил факел из гнезда и светил прямо в лицо Танкреду. Основатель ордена Знания хранил многозначительное молчание.

– Ни кошки он не знает, – снял с языка перепуганную шутку Салиган.

– Скорее уж ни совы, – Алва уже стоял рядом. Робер тоже подошел, в нише не было ничего, то есть была обычная, тонушая в полумраке стена и статуя, которую внезапно захотелось разбить.

3

– Думаешь, вышло? – Арно тронул мизинцем блестящую звездочку. Кровь почти подсохла, утратив свою жутковатую загадочность, а бурые пятнышки не восхитят и не испугают. – И что с этим теперь делать?

– Эту эсперу я взялся передать маршалу Лионелю. – Придд отнял от ранки платок, аккуратно свернул и прикрыл серебро и кровь. – Курьер выедет одновременно с нами, мне остается дополнить уже готовое письмо.

– Ты собрался написать, что мы тут устроили?!

– Разумеется, но если тебе неудобно за свои чувства, я объясню твое участие своим приказом.

– А что, были чувства?

– Мне так показалось. Если я ошибся, извини.

– Нет, это ты извини! – Арно Сагранна уже была по пояс, словно они с Валентином только что выдули полдюжины «Крови». – Пусть Райнштайнер тебе и передал, я хочу извиниться лично. Сам не знаю, что на меня накатило! Вас, конечно, не любили, но ведь был же еще и Джастин...

– Именно, что был, – негромко подтвердил Придд. – Мне кажется, причина твоей былой неприязни ко мне в том, что ты – очень хороший друг, а я сделал то, чего ты подспудно ждал от Окделла. Это ему следовало освободить Первого маршала, получить перевязь и появиться в Старой Придде, а я словно бы его обокрал. Внесли свою долю и мои манеры вкупе с нашей фамильной репутацией.

– Да уж, – хохотнул Арно, – манерочки у тебя... Убивали и за меньшее. Я ведь готов был поклясться, что ты ненавидел Дикона и ему завидовал!

– Но я в самом деле ненавидел.

– Не придирайся! После Та-Раканьих плясок его бы и Катершванцы возненавидели, если б были в Оллории.

– В том-то и дело, что я возненавидел Окделла заметно раньше. Не скажу, что из зависти, скорее это похоже на отношение к святотатцам.

– Чего-чего?! А ну-ка объясни!

– Изволь. Юстиниан много рассказывал о Вороне. Достаточно, чтобы я начал не только восхищаться этим человеком, но и на него надеяться.

Так вышло, что с другими родными брат понимания не нашел, только со мной. В свой последний вечер он сказал, что пора разорвать круг, в который нас загнала семья, и что хоть Алва и не брал прежде оруженосцев, он всегда подставит плечо. Я не понял, говорили они обо мне или еще нет, но перед Фабиановым днем не мог отогнать надежду на то, что герцог Алва назовет мое имя... Оставил же он мне мориска, которого прислал Юстиниану взамен убитого.

– Валентин...

– Пожалуйста, дай мне закончить. Чуда, как ты знаешь, не произошло. Я, согласно семейной договоренности, достался Роксею, но Кэналлийский Ворон оруженосца все-таки взял.

– Это я просил Ли, а он договорился с Рокэ!

– Какое это имеет значение? Мне стало горько, но я понял Первого маршала, он не мог не помочь тому, чью жизнь решили перечеркнуть другие. Я смирился с выбором Алвы и стал ждать, я этому неплохо научился.

Оставаться в Олларии я не собирался, как и делиться своими планами. Меня освободят от присяги, и я попрошусь в Торку. Я служил и, как мог, учился, но я не слепой. Сперва я видел напыщенного глупца и нахлебника, потом – подлеца и, наконец, отравителя. Это очень трудно объяснить и еще труднее понять... Арно, я был оскорблен сразу за Первого маршала и за Юстиниана. Алва помог «спруту», и брат ответил ему искренней привязанностью. Юстиниан был готов за своего старшего друга умереть, а возможно, и умер. Ворон вновь протянул руку сыну врага, но в этот раз его ждала отвратительная смесь спеси с неблагодарностью. Мне кажется, кто-то пришел.

– Точно. Может, твой курьер? Кажется, двое.

Это был не курьер. Не курьеры!

Райнштайнер выглядел выпавшимся и многообещающим, Ариго – наоборот.

– Когда мы станем генералами, – успел шепнуть Придду Арно, – мы по утрам будем такими же!

– Здравствуйте, господа, – бергер не преминул оглядеть комнату, начиная со выюков. – Садись, Жермон. Я имею обыкновение расспрашивать, но сейчас, с учетом того, как мы вас нашли, уместней начать с рассказа. Генерал Ариго видел сон, и нужно очень своеобразно мыслить, чтобы его разгадать. Полковник Придд, попытайтесь сделать это, а потом мы обсудим ваши выводы и ваши видения, если они были.

– Господин генерал, – Валентин отнял от ранки платок, – сперва я должен сообщить, что мы с тенъентом сочли правильным нанести свою кровь на адрианову эсперу. Есть небольшая вероятность, что это поможет герцогу Алва, Проэмперадору Савиньяку и маршалу Лэкдеми, где бы они ни находились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.